БЫЧКОВЪ

Александръ Бычковъ.

ОЧЕРКИ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

СЪ УСТЬЯ РѢКИ ЛЕНЫ.

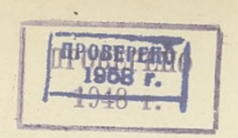
(путевыя замѣтки).

(Съ картой рыболовныхъ песковъ).

ТОМСКЪ.
Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.
1899.

Александръ Бычковъ.

ОЧЕРКИ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

СЪ УСТЬЯ РѢКИ ЛЕНЫ.

(путевыя замѣтки).

(Съ картой рыболовныхъ песковъ).

ТОМСКЪ
Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 13 іюля 1899 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предлагаемый вниманію читателя очеркъ: „Съ устья рѣки Лены“ былъ помѣщенъ въ фельетонахъ „Сибирской Жизни“ за 1898 годъ.

Спѣшная газетная работа оставила свой слѣдъ на очеркѣ даже и послѣ тѣхъ дополненій и поправокъ, которыя были сдѣланы мною при настоящемъ выпускѣ его отдѣльной брошюрой.

Случайныя обстоятельства повліяли на то, что этотъ мой очеркъ издается мною отдѣльно отъ другихъ моихъ очерковъ и мелкихъ статей, разбросанныхъ на страницахъ сибирскихъ газетъ за длинный періодъ времени отъ 1885 по 1899 годъ.

Якутская область такъ мало извѣстна, о ней такъ мало говорятъ въ печати, что я считаю необходимымъ сказать о ней нѣсколько словъ въ своемъ введеніи къ очерку.

Якутская область, занимающая 3½ милліона квадр. верстъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіатской Россіи, населена до того рѣдко, что на долю каждаго изъ жителей ея (277,836 душъ об. п.) приходится по 12,5 кв. версты. На всей этой громадной площади, равной приблизительно площади почти всѣхъ 49 губерній Европейской Россіи, разбросано населеніе, немногимъ превышающее населеніе одного лишь г. Кіева.

Пустынность этого края становится еще болѣе унылой, когда мы обратимъ вниманіе на то, что все это ничтожное населеніе его состоитъ изъ бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ (составляющихъ 93% всего населенія), изъ уголовныхъ ссыльно-поселенцевъ (составляющихъ 3% населенія) и изъ кучки добровольцевъ-хищниковъ, стремящихся въ эту глушь для наживы подъ прикрытіемъ дореформенныхъ порядковъ и невѣжества массы.

II

Борьба съ суровыми условіями природы изъ за одного полусытаго существованія составляетъ господствующій интересъ жизни этого „края полюса холода на земномъ шарѣ“, гдѣ морозы достигаютъ 68° Ц., гдѣ мощный слой вѣчно мерзлой земли успѣваетъ оттаивать въ теченіе короткаго лѣта на какихъ нибудь $^1/_2$—$1^1/_2$ аршина въ глубину; гдѣ условія почвы и климата порождаютъ массу больныхъ „проказою“, гдѣ населеніе до сихъ поръ питается сушеною корою лиственницы и сосны.

Въ южныхъ округахъ Якутской области (въ Олекминскомъ, Якутскомъ и Вилюйскомъ) земледѣліе въ послѣдніе 30—35 лѣтъ упрочилось уже настолько, что населеніе этихъ округовъ (до тѣхъ поръ, пока большинство инородцевъ еще *не привыкло ѣсть хлѣбъ*) не нуждается въ привозномъ хлѣбѣ. Въ сѣверныхъ-же округахъ не было еще ни одного удачнаго опыта посѣва хлѣбовъ; населеніе этихъ округовъ занимается въ южныхъ частяхъ ихъ скотоводствомъ (главнымъ образомъ, оленеводствомъ), а въ сѣверныхъ частяхъ рыболовствомъ.

Одинъ изъ этихъ сѣверныхъ округовъ Якутской области, Верхоянскій округъ, занимаетъ громадную площадь 947,000 кв. верстъ (Кавказъ, Польша и Финляндія, вмѣстѣ взятые, занимаютъ площадь въ 855,403 кв. верстъ), населеніе-же его составляютъ всего лишь 14,157 душъ об. пола.

Въ моемъ очеркѣ „Съ устья рѣки Лены“ читатель увидитъ, какъ живутъ и чѣмъ занимаются люди, населяющіе одинъ изъ улусовъ Верхоянскаго округа, Жиганскій улусъ, расположенный по нижнему теченію рѣки Лены, куда я ѣздилъ лѣтомъ 1897 года спеціально для того, чтобъ познакомиться съ положеніемъ рыбнаго промысла въ низовьяхъ рѣки Лены.

I.

Рыболовство среди инородцевъ Якутской области, составляющихъ 93% населенія области, является однимъ изъ главныхъ источниковъ существованія. Этимъ промысломъ якуты занимаются большею частью только для собственнаго потребленія. Природные степные коневоды, выходцы изъ горныхъ степей Сибири, якуты и по сю пору, проживъ сотни лѣтъ въ Якутской области, остаются скотоводами по преимуществу и только въ силу необходимости стали заниматься рыболовствомъ, видя въ немъ подспорье къ главному своему занятію. Въ Олекминскомъ, Вилюйскомъ и Якутскомъ округахъ, гдѣ на смѣну падающему скотоводству выступаетъ земледѣліе,—рыболовство дѣлаетъ мало успѣховъ; тамъ же, гдѣ почвенныя и климатическія условія исключаютъ всякую возможность надѣяться на развитіе земледѣлія,—въ Верхоянскомъ и Средне-Колымскомъ округахъ,—тамъ на смѣну падающимъ промысламъ (оленеводству и звѣроловству) выступаетъ рыболовство. Чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ рыболовство принимаетъ все большее и большее значеніе, и какъ разъ на столько большее, на сколько теряютъ свое значеніе прочіе промыслы.

На крайнемъ сѣверѣ, въ устьяхъ р. Лены, въ предѣлахъ такъ называемаго Жиганскаго улуса, занимающаго громадное пространство по обѣ стороны Лены, внизъ отъ Жиганска вплоть до береговъ Ледовитаго океана,—рыболовство занимаетъ

первое мѣсто среди всѣхъ промысловъ, доступныхъ мѣстному населенію.

По свѣдѣніямъ Жиганской инородной управы за 1896 годъ, мѣстное населеніе (числомъ до 2047 д. об. п.) добыло:

Рыбы 24,450 пудовъ	на 12.000	руб.
Пушнины	„ 6.833	„
Мамонтовой кости	„ 342	„
Лебединаго и гусинаго пуха. .	„ 110	„

Всѣ эти цифровыя данныя можно, конечно, считать вполнѣ невѣрными,—но для насъ онѣ интересны, какъ доказательство того, что и составители этихъ отчетовъ рыболовству отводятъ первое мѣсто.

И я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что съ теченіемъ времени рыболовство въ устьѣ Лены будетъ замѣтно развиваться. Въ настоящее время рыболовство стоитъ здѣсь на низкой степени развитія. Населеніе устья Лены еще не научилось заготовлять рыбу въ прокъ иначе, какъ способомъ простаго вяленья и сушенья на открытомъ воздухѣ и на дыму; орудія рыболовства у нихъ очень просты и непригодны даже для того, чтобъ наловить рыбы столько, сколько могли бы скупить у нихъ пріѣзжіе купцы; соль—дорогая по цѣнѣ (до 1 руб. 60 коп. за пудъ) и имѣющаяся въ казенныхъ магазинахъ въ ничтожномъ количествѣ—не доступна населенію, и оно не употребляетъ ея для заготовки рыбы въ прокъ.

По мѣрѣ того, какъ всѣ эти обстоятельства, мѣшающія развитію рыбнаго промысла, измѣнятся къ лучшему или даже будутъ устранены, рыболовство въ устьяхъ Лены должно принимать болѣе широкіе размѣры. И этому способствуетъ не только паденіе прежнихъ промысловъ, но и то обстоятельство, что мѣстное населеніе, помимо своего желанія, пріучается

и притягивается къ этому занятію пріѣзжими промышленниками, приплывающими изъ Якутска въ устья Лены на каюкахъ и на пароходѣ для скупки рыбы.

Въ этомъ отношеніи, какъ мѣсто болѣе или менѣе организованнаго рыбнаго промысла, устье Лены является единственнымъ во всей Якутской области. Здѣсь производится какая ни на есть засолка рыбы для продажи; здѣсь выказываютъ свое искусство якутскіе спеціалисты рыбнаго дѣла; здѣсь сдаются въ аренду рыболовные пески.

Положеніе рыбнаго промысла въ устьяхъ Лены займетъ значительную часть моего очерка. Никакихъ матеріаловъ по этому вопросу я нигдѣ не могъ найти, и мнѣ оставалось на мѣстѣ, въ устьяхъ Лены, изучить это дѣло и личными своими наблюденіями восполнить этотъ недостатокъ. Я такъ и поступилъ.

Я выѣхалъ изъ Якутска въ низовья р. Лены 4 іюня 97 г. на пароходѣ „Лена". Пароходъ этотъ уже четыре года принадлежитъ иркутской торговой фирмѣ Анны Ивановны Громовой и каждый годъ въ теченіе навигаціи дѣлаетъ не меньше двухъ рейсовъ изъ Якутска въ устья Лены, вывозя оттуда рыбу для сбыта ея частью въ Якутскѣ, а главнымъ образомъ на золотыхъ промыслахъ Олекминской и Витимской системъ.

Пароходъ „Лена" — одинъ изъ самыхъ старыхъ пароходовъ на р. Ленѣ,--и онъ заслуживаетъ того, чтобы остановить на немъ вниманіе читателя.

„Лена" по заказу г. Сибирякова была выстроена въ Швеціи и пришла въ р. Лену въ 1878 году, пройдя все побережье Ледовитаго океана вмѣстѣ съ „Вегой" Норденшильда.

Этотъ маленькій красивый пароходъ, имѣющій всего лишь 16 футовъ въ ширину, съ машиною въ

15 силъ, сдѣланный изъ стали, былъ прекрасно устроенъ и приспособленъ къ морскому плаванію. Но, за время своей почти двадцати-лѣтней службы на Ленѣ, ему пришлось пройти много мытарствъ и перебывать въ рукахъ нѣсколькихъ хозяевъ, изъ которыхъ каждый понемногу общипывалъ его, не давалъ ему никакого ремонта и страшно загрязнялъ. Въ рукахъ этихъ неразсчетливыхъ хозяевъ „Лена" была обречена служить орудіемъ эксплоатаціи инородцевъ въ низовьяхъ Лены, доставляя туда спиртъ, на который за безцѣнокъ вымѣнивалась рыба и пушнина.

Въ руки фирмы А. И. Громовой „Лена" перешла отъ г. Оленникова, самаго неразсчетливаго изъ всѣхъ неразсчетливыхъ хозяевъ „Лены". Оленниковъ былъ самъ и капитаномъ на своемъ пароходѣ, и это только помогало ему раззорять свой пароходъ.

Только теперь, попавши въ руки одной изъ богатѣйшихъ торговыхъ фирмъ въ Сибири, „Лена" начинаетъ вспоминать дни прежняго своего величія. Пароходъ капитально ремонтированъ; пополнено то, что было расхищено; приглашенъ образованный капитанъ, шкиперъ морской службы, природный морякъ; пароходъ пересталъ быть орудіемъ прежней эксплоатаціи бѣднаго инородца, спаиваемаго водкой.

Фирма А. И. Громовой, заинтересованная въ расширеніи сбыта своихъ товаровъ, открыла въ низовьяхъ Лены свои лавки и съ первыхъ же лѣтъ сильно сбила цѣны на товары, упорно поддерживаемыя на страшной высотѣ мѣстными торгашами-мелочниками.

Изъ ряда приводимыхъ ниже цифръ видно, какъ упали цѣны на товары подъ вліяніемъ конкуренціи фирмы Громовой. Противъ каждаго изъ поименованныхъ нами товаровъ мы приводимъ цѣну, по какой продавался этотъ товаръ зимою 1896—97 года въ с. Булунѣ, въ лавкахъ Громовой и въ лавкахъ другихъ купцовъ.

Мука ржаная 1 пудъ . .	2 р. —	3 р. —
„ пшеничная 1 пудъ .	2 р. 60 к. —	4 р. —
Чай кирпичный 1 шт. . .	— 75 к. —	1 р. 20 к.
Сахаръ 1 фунтъ	— 40 к. —	— 70 к.
Табакъ листовой 1 ф. . .	— 40 к. —	— 70 к.
Волосъ конск. бѣл. 1 пудъ	32 р —	— 80 р. —
Мѣдная посуда „	36 р. —	— 80 р. —
Ножъ якутскій 1 шт. . .	— 25 к. —	1 р. —
Топоръ „ „	— 75 к. —	1 р. 50 к.

Кажущаяся ненормальность одновременнаго существованія двухъ цѣнъ на одинъ товаръ въ одномъ и томъ же мѣстѣ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что булунскіе мелочники широко раздаютъ свои товары въ долгъ подъ будущую рыбу, пушнину и кость; фирма же А. И. Громовой торгуетъ либо на наличныя деньги, либо въ обмѣнъ на доставленный товаръ.

Вліяніе конкуренціи фирмы Громовой, какъ я слышалъ, въ будущемъ году обѣщаетъ значительно возрасти.

Фирма предполагаетъ установить три срочные рейса изъ Якутска въ с. Булунъ; намѣрена понизить цѣну за фрахтъ на пароходѣ; хочетъ увеличить число пунктовъ торговли своими товарами. Въ этомъ году были сдѣланы опыты для вырѣшенія вопроса о томъ, возможно ли отправлять изъ Якутска внизъ по Ленѣ, а затѣмъ Ледовитымъ океаномъ, въ устья рѣки Яны товаръ на пароходѣ; „Лена“ ходила въ этомъ году въ Ледовитый океанъ, дошла до устья рѣки Яны. Благопріятный исходъ поставленнаго вопроса теперь не зависитъ отъ „Лены“.

Необходимость рѣшить вопросъ о способѣ наиболѣе дешеваго привоза товаровъ къ рѣкѣ Янѣ назрѣла вполнѣ. Нигдѣ въ Якутской области нѣтъ такихъ высокихъ цѣнъ на товары какъ на рѣкѣ Янѣ. И объясняется это тѣмъ, что доставка туда товаровъ крайне неудобна и дорога. Въ Колымскій

край теперь вывозятся товары черезъ Гижигинскъ, со стороны Великаго океана; въ Вилюйскій округъ ходятъ пароходы по р. Вилюю изъ Якутска. Въ Верхоянскій же округъ нѣтъ иного пути, какъ черезъ Верхоянскій хребетъ. Если планы фирмы А. И. Громовой осуществятся, населенію Верхоянскаго округа легче будетъ жить.

Въ виду интереса, представляемаго попыткой парохода „Лена", я сдѣлаю кое-какія выписки изъ дневника, который я велъ во все время пути „Лены" отъ устья рѣки Лены къ р. Янѣ и обратно.

19-го августа*) въ 4 часа, послѣ обѣда, пароходъ оставилъ Быковъ мысъ и, лавируя по извилистому фарватеру одного изъ мелководныхъ рукавовъ дельты р. Лены, черезъ 6 часовъ пути остановился подлѣ острова Мастахъ. На этомъ пути отъ Быкова мыса до о. Мастахъ часто встрѣчались такія мелкія мѣста, что „Лена", надѣясь на крѣпость своего стальнаго корпуса, должна была сама продѣлывать себѣ путь, разсѣкая килемъ на полномъ ходу невысокіе песчаные перекаты.

О. Мастахъ лежитъ уже въ Ледовитомъ океанѣ; на немъ нѣтъ постоянныхъ жителей. Весной во время весенняго разлива, р. Лена приноситъ къ берегамъ этого острова массу плавниковаго лѣса,—и жители Быкова мыса въ теченіе всей зимы пріѣзжаютъ сюда за дровами,—они и прозвали этотъ островъ „о. Мастахъ", что значитъ по Якутски: „о. лѣса", „о. дровъ".

*) По мнѣнію М. Геденштрома, „только нѣсколько недѣль съ августа мѣсяца" эти мѣста Ледовитаго океана и свободны отъ льда. („Отр. о Сибири" стр 105) И, дѣйствительно, мы за все время (съ 19 по 26 августа) пребыванія въ Ледовитомъ океанѣ не встрѣтили ни одной льдины; температура воздуха все время была отъ $+4^0$ С. (19 и 24 авг.) до $+9^0$ Ц. (22 авг. на островѣ Макара). Кстати сообщу еще нѣкоторыя свѣдѣнія изъ моихъ наблюденій: чистое безоблачное небо наблюдалось только утромъ 22 авг.; туманъ: 21 и 25 авг.; тихо было только весь день 22 авг.; чаще всего наблюдался вѣтеръ С. В. В.

Лѣтъ 25 тому назадъ этотъ островъ былъ богатъ обиліемъ мамонтовой кости. Есть преданіе, что какой-то якутъ-промышленникъ въ то время, пока, успѣлъ вскипѣть его котелокъ съ чаемъ, нашелъ на небольшомъ пространствѣ 4 клыка мамонта вѣсомъ по 4 и 4½ пуда каждый. Теперь на о. Мастахъ уже нѣтъ мамонтовой кости.

Пока пароходъ запасался здѣсь, сколько могъ, дровами на дальній морской путь, заполняя дровами и трюмъ, и палубу, разсчитывая на то, чтобы дровъ хватило и на обратный путь,—наши охотники настрѣляли больше дюжины разныхъ утокъ, которыя до того были „дики", что не понимали значенія выстрѣла и спокойно сидѣли, дожидаясь своей очереди пасть подъ выстрѣлами изъ ружья.

20-го августа рано утромъ мы вышли въ океанъ и сразу почувствовали перемѣну,—насъ какъ-то радовала безграничная ширь, насъ забавляла оригинальность вкуса и цвѣта морской воды, намъ пріятна была свѣжесть морскаго воздуха. Мы шли со скоростью 12 верстъ въ часъ и къ вечеру того же дня мы подходили къ мысу Борхая. По обѣ стороны Борхая мы видѣли на возвышенномъ берегу моря массу плавниковаго лѣса, но подойти къ берегу и взять лѣсъ не могли, такъ какъ мѣшала береговая мель.

Не доходя м. Борхая, верстахъ въ 30-ти отъ него, съ парохода видна была какая-то старая безъ крыши деревянная постройка (въ срубѣ, на подобіе избы),—остатки слѣдовъ какой нибудь изъ бывшихъ въ этихъ краяхъ экспедицій; нѣсколько верстъ дальше, ближе къ м. Борхая, мы видѣли три тунгузскихъ урасы, покрытыхъ равдугой, безъ всякихъ признаковъ жизни въ нихъ. Пароходъ нѣсколько разъ давалъ продолжительные свистки, но никто не показывался, не слышно и не видно было даже собакъ. Вѣроятно, тунгусы испугались парохода и скрылись.

Бывшій съ нами на пароходѣ норвежецъ И. И. Торгерсенъ говорилъ мнѣ, что когда, въ 1878 году, пароходъ „Лена“ впервые вошелъ въ р. Лену, то все инородческое населеніе низовья р. Лены, завидя пароходъ, бросало свои жилища, забирало весь свой скарбъ и убѣгало „куда глаза глядятъ“, пока пароходъ не уходилъ дальше.

Только трусливостью сѣвернаго инородца передъ всѣмъ новымъ и передъ неизвѣстными ему людьми и возможно объяснить ту печальную случайность, что остатки экспедиціи Делонга погибли тамъ, гдѣ и зимой, и лѣтомъ часто снуютъ инородцы, то добывая песца въ тундрѣ, то отправляясь за рыбой къ морю.

Но наши пріятныя впечатлѣнія морскаго плаванія были непродолжительны,—къ ночи на 21 августа поднялся вѣтеръ, океанъ сталъ волноваться и вся непривычная къ морю команда слегла, выражая ропотъ и недовольство на капитана и хозяина парохода, рѣшившихся идти въ море. Вѣтеръ крѣпчалъ, и волненіе усилиливалось; пароходъ пошелъ тише, его ходъ сильно замедлялся привязаннымъ на буксирѣ большимъ баркасомъ, который, разбитый волной и захлестнутый ею, былъ затопленъ; сначала пытались было спасти его, выкачавши изъ него воду,—но безъ успѣха,—и баркасъ былъ брошенъ въ море.

Громадная мель, неожиданно встрѣченная нами сейчасъ же за мысомъ Борхая, лишила насъ возможности найти здѣсь проходъ къ р. Янѣ,—намъ надо было искать его съ восточной стороны дельты р. Яны,—и мы взяли курсъ на м. Дарвина („Дарыганъ“ по нѣкоторымъ картамъ).

Сильный вѣтеръ, замедлявшій нашъ ходъ, разбилъ и въ этомъ наши надежды. Запасъ дровъ быстро уменьшался, и намъ непремѣнно надо было

торопиться добраться до материка. Мы снова измѣнили курсъ и вскорѣ достигли острова Макара, лежащаго верстахъ въ 50-ти на востокъ отъ дельты р. Яны. Здѣсь мы были защищены островомъ отъ волнъ,—но вскорѣ вѣтеръ совершенно прекратился и ночью на 22 августа мы наслаждались отдыхомъ отъ утомившей насъ океанской качки.

Почти двое сутокъ мы должны были потратить около острова Макара на то, чтобы пополнить запасъ дровъ въ количествѣ, достаточномъ для обратнаго пути къ Быкову мысу. Нѣсколько разъ мы пытались найти глубокую протоку среди многочисленныхъ рукавовъ р. Яны, и не могли найти; мы рѣшили торопиться домой.

Опытъ доказалъ намъ, что ходить въ океанъ безъ запаса каменнаго угля и рискованно и не выгодно. На пароходѣ нельзя сдѣлать такой запасъ дровъ, чтобы ихъ хватило на далекій путь; пополнять запасъ дровъ плавниковымъ лѣсомъ не всегда возможно.

Пока пароходъ грузился дровами, наши охотники настрѣляли много разнаго рода птицъ (морская чайка, немокъ, гуси разныхъ породъ, полярный лебедь и др.), большинство которыхъ было отправлено потомъ М. А. Мензбиръ въ Москву. А я тѣмъ временемъ ходилъ по острову въ тщетныхъ поискахъ мамонтовыхъ клыковъ. Я нашелъ нѣсколько полусгнившихъ берцовыхъ костей мамонта, нашелъ коренной зубъ мамонта, но самой цѣнной части мамонтоваго скелета, его бивней, не находилъ: они были ранней весной подобраны промышленниками. Но за то я видѣлъ здѣсь тѣ мѣста, гдѣ обыкновенно находятъ остатки мамонта.

Островъ Макара вдается въ океанъ отлогимъ глинисто-песчанымъ берегомъ; но внутри острова встрѣчаются возвышенности и холмы разной величины, подъ тонкимъ слоемъ (отъ $^1/_4$ до 1 арш.) синеватой

глины которыхъ лежатъ пласты подпочвеннаго крупнозернистаго льда. Весной, когда съ этихъ возвышенностей и холмовъ стекаютъ ручьи снѣговой воды,—они смываютъ слой глины и размываютъ пласты льда, образуя въ пластахъ рвы и ущелья. Въ этихъ то, вотъ, смытыхъ слояхъ глины или въ размытыхъ слояхъ льда чаще всего и находятъ кости мамонта, а иногда даже и вполнѣ сохранившіеся трупы ихъ.

Ежегодно изъ Якутской области вывозится въ среднихъ числахъ не меньше 1000 пудовъ мамонтовыхъ бивней (вѣсомъ около 3 пуд. каждый), что показываетъ, что ежегодно находятъ здѣсь не меньше 166 труповъ мамонта или его скелетовъ. По вычисленію Миддендорфа по 1843 годъ въ Якутской обл. было найдено 20,000 мамонтовъ; можно считать вѣрнымъ, что по 1899 годъ въ Якутской обл. найдено не меньше 30,000 мамонтовъ.

Чтобы закончить рѣчь о пароходѣ „Лена“, я долженъ упомянуть еще объ одномъ ея дѣлѣ, которымъ она можетъ принести населенію края не малую пользу. Въ этомъ году фирма А. И. Громовой произвела первый опытъ постановки рыбнаго дѣла на новыхъ началахъ. Одинъ изъ представителей этой фирмы Ив. И. Громовъ ѣздилъ въ Астрахань и тамъ изучилъ рыбное дѣло, какъ оно ведется у наиболѣе крупныхъ фирмъ; познакомившись съ практикой рыболовства, онъ познакомился и съ литературой по этому вопросу. Лѣтомъ этого года онъ производилъ пробные опыты примѣненія россійскихъ началъ рыболовства въ низовьяхъ рѣки Лены. Что дастъ этотъ опытъ и чего можно ожидать отъ него, рѣшить пока трудно. Можно сказать одно,—Лена богата всевозможными сортами рыбы, изъ которой можно приготовлять разнообразные консервы, икру, клей, визигу и пр.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о самой рѣкѣ Ленѣ, на сколько это нужно для насъ въ видахъ нашего интереса къ рыболовству на ней.

Эта великая рѣка, съ бассейномъ около 2,000 тыс. кв. верстъ, вливающая въ Ледовитый океанъ до 10,000 кубическихъ метровъ воды въ секунду, имѣющая дельту, по словамъ тунгусовъ, не менѣе 600 верстъ въ ширину на протяженіи берега океана, разливающаяся весной въ среднемъ своемъ теченіи, ниже Вилюя, между островами, на 60 верстъ въ ширину, эта Ленаверстахъ въ 300 выше начала дельты (отъ Бахтери до о-ва Тасъ-Ары) течетъ однимъ единственнымъ русломъ шириною не болѣе $2^1/_2$ верстъ, не имѣя на этомъ протяженіи ни одного островка, какъ бы исполинскою силою втиснутая въ высокіе, извилистые берега твердыхъ каменныхъ породъ.

Здѣсь, въ этой какъ бы каменной трубѣ и расположены мѣста, изобилующія рыбой; сюда то и стремятся всѣ приленскіе рыбопромышленники; здѣсь то, на всякомъ мало-мальски отлогомъ берегу (послѣ весенняго половодья), все лѣто кипитъ непрерывная работа въ погонѣ за рыбой, которой здѣсь, дѣйствительно, многое множество.

Обиліе рыбы, удобство и легкость ловли ея въ этой узкой трубѣ—не даютъ инородцу повода къ тому, чтобы обратить вниманіе на другія громадныя богатства береговъ Лены въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь множество мѣстъ обнаруженія каменнаго угля, громадное количество желѣзной руды, много минеральныхъ красокъ, есть признаки золота и серебра, попадается горный хрусталь, есть прекрасная глина разныхъ сортовъ, встрѣчается точильный камень, аспидъ.

И легкая добыча рыбы отвлекаетъ вниманіе инородца отъ всего этого богатства.

Не менѣе ископаемаго богатства, этотъ край изобилуетъ стадами дикихъ оленей и множествомъ перелетной птицы.

Мѣстный инородецъ привыкъ жить тѣмъ, что сама природа даетъ ему уже готовымъ; онъ не дорожитъ этими дарами природы и переводитъ ихъ безъ всякой пощады. Онъ, привыкшій къ благамъ той культуры, какую заносятъ къ нему хищные каючники, любитъ водку, табакъ; онъ привыкъ къ сухарямъ, умѣетъ изъ муки (часто съ примѣсью сушеной икры) печь оладьи, носитъ ситцевую рубаху, пьетъ чай изъ самовара. Когда ему надо пріобрѣсть что-либо изъ этихъ вещей,—онъ не жалѣетъ добытыхъ имъ даровъ природы: бери все, но дай, что ему надо. И хищникъ-каючникъ беретъ у него все, а даетъ ему какую нибудь грошевую вещь; за бутылку водки каючникъ пріобрѣтаетъ у инородца разнаго добра цѣною не менѣе, какъ на три и на пять рублей. Часто случается, что ловкій торгашъ продаетъ инородцу простое кремневое ружье, стоющее въ гор, Якутскѣ не дороже 5—8 руб., за 100 руб., получая эту сумму рыбой или пушниной по самой низкой цѣнѣ.

Каючники прекрасно умѣютъ пользоваться простотою инородца и широко разбрасываютъ свои сѣти. Вся рыба, весь пушной товаръ, мамонтова кость, пухъ и прочія богатства устья Лены, все, что добывается инородцемъ помощью своихъ простыхъ орудій,—все это каючники и мѣстные торгаши за безцѣнокъ берутъ у инородца и въ три-дорога перепродаютъ въ г. Якутскѣ.

О каючникахъ я и намѣренъ теперь вести свою рѣчь.

III.

„Каюками“ называются особаго рода килевыя, парусныя суда съ подъемной силой не болѣе 1600 пудовъ, имѣющія обыкновенно не болѣе 25 аршинъ въ длину и 9 аршинъ въ ширину. Строятся они довольно непрочно изъ стараго паузочнаго лѣса вблизи г Якутска, оснащиваются кое-какъ и содерживаются обыкновенно въ великой неопрятности. Новый каюкъ, глядя по величинѣ, обходится со всѣми необходимыми приспособленіями 500—800 руб. Самый малый каюкъ поднимаетъ легко 600 пуд. клади.

Внизъ по теченію каюкъ идетъ довольно быстро, особенно въ дни попутнаго вѣтра, на парусахъ. Для удобства управленія каюкомъ, на немъ съ обѣихъ сторонъ—почти посерединѣ каюка—имѣются большія „греби“ (родъ веселъ), по одной греби на сторонѣ. Къ ихъ помощи обращаются тогда, когда каюкъ вѣтромъ напираетъ куда нибудь въ сторону отъ фарватера рѣки, и онъ не слушается руля.

Но вверхъ по рѣкѣ каюкъ двигается съ поразительною медленностью даже и при попутныхъ вѣтрахъ. Чуть вѣтеръ становится крѣпче средняго, каюкъ бросаетъ якорь и прячется куда нибудь въ „отстой“,—попутный ли это вѣтеръ или встрѣчный —безразлично.

Въ дни же безвѣтрія или въ дни слабаго встрѣчнаго вѣтра каюкъ „тянутъ бичевой“ рабочіе, если нѣтъ у береговъ отмелей; если же мѣсто мелкое, то каюкъ двигается впередъ „завозомъ“, для чего завозятъ на нѣсколько саженъ впередъ каюка якорь и силою рукъ притягиваются по канату къ якорю;—затѣмъ якорь завозятъ снова и т. д. Въ такіе дни проплываютъ не болѣе 10 верстъ въ сутки.

По установившемуся обычаю, на каждомъ каюкѣ должно быть непремѣнно столько человѣкъ рабочихъ,

чтобы на долю каждаго рабочаго не приходилось больше 100 пуд. клади. Тяжесть самого каюка, его оснастки и пр. въ счетъ не принимаются. Такимъ образомъ каждый рабочій, идя „въ лямкѣ", тянетъ не меньше 125—130 пуд. на своихъ плечахъ.

Бичева, помощью которой рабочіе тянутъ каюкъ, имѣетъ не менѣе 65 саж. длины и прикрѣплена къ кормѣ каюка; отсюда она идетъ къ вершинѣ мачты, а затѣмъ опускается къ носу каюка, гдѣ она свободно ходитъ на „лучкѣ", который свободно передвигаясь по кольцу регулируетъ направленіемъ каюка, легко подчиняющагося рулю. При такомъ способѣ укрѣпленія бичевы рабочіе могутъ идти на значительномъ разстояніи отъ каюка и впереди его и рядомъ съ нимъ,—и ходъ каюка всегда остается ровный и спокойный.

Самый процессъ „бичеванія" каюка состоитъ въ томъ, что всѣ рабочіе всею тяжестью своего наклоненнаго корпуса опираются на „лямки", обхватывающія грудь и обѣ руки на 1/4 арш. ниже плеча, —и каюкъ, медленно поддаваясь напору десятка грудей,—идетъ впередъ. Натянутая бичева дрожитъ и ходитъ изъ стороны въ сторону, по мѣрѣ того, какъ тотъ или другой рабочій натягиваетъ ее сильнѣй, —и каждое вздрагиваніе бичевы чувствуется всѣми рабочими. Тяжесть работы осложняется еще тѣмъ, что вдоль берега, гдѣ идутъ рабочіе, нѣтъ даже и тропинки,—большею частью камни или песокъ; если нѣтъ дождя, то работѣ еще больше дождя мѣшаетъ невообразимое обиліе мошекъ и комаровъ. Времени для отдыха никто не опредѣляетъ; тянутъ иной разъ безъ передышки часовъ пять—шесть, напьются кое-какъ чайку,—и снова часовъ на пять за работу. Ночью спятъ. Но тянуть весь день почти никогда не приходится,—вѣтеръ не даетъ: если вѣтеръ попутный и не сильный—подымаютъ парусъ и идутъ на

парусахъ; если вѣтеръ встрѣчный или сильный—стоятъ.

И какое нищенское вознагражденіе получаетъ каючный рабочій за такой каторжный трудъ; за все лѣто (съ мая по сентябрь) рабочій получаетъ на хозяйскихъ харчахъ 15—20 рублей; если харчи свои, то 25—30 рублей.

Сверхъ платы, каждый рабочій имѣетъ еще право везти въ Якутскъ на каюкѣ около 15 пудовъ своей собственной рыбы, въ своей же посудѣ.

Всѣ рабочіе во время неводьбы (рабочіе должны „неводить“ на хозяина каюка во все свободное время) имѣютъ право брать себѣ на пищу самую мелкую рыбу: „кандевку“. Добрый каючникъ, особенно если ловъ рыбы былъ хорошъ, даетъ каждому изъ рабочихъ подъ конецъ неводьбы штукъ по 30, по 50 „омулей“. Есть еще одно обязательство хозяина по отношенію къ рабочимъ (ко всѣмъ рабочимъ безразлично),—хозяинъ обязанъ дать за все время навигаціи три раза по одной порціи водки каждому рабочему: первую порцію при отправкѣ изъ Якутска; вторую на полпути — подлѣ острова Аграфены; третью по прибытіи на Булунъ.

Раньше, чѣмъ я стану говорить о внутреннихъ порядкахъ на каюкѣ, о жизни этого особаго мірка, своеобразнаго во многихъ отношеніяхъ, я долженъ сказать, что я въ теченіе недѣли прожилъ на одномъ каюкѣ, проплылъ на немъ вверхъ по р. Ленѣ около 150 вер. и все это время присматривался къ его жизни.

На всѣхъ каюкахъ порядки одни и тѣ же; пріемы эксплоатаціи инородцевъ у всѣхъ ихъ одинаковы; на всѣхъ каюкахъ употребляются одни и тѣ же пріемы чистки, засолки и укупорки рыбы. И врядъ-ли будетъ ошибочно, если я скажу, что выводы моихъ наблюденій общи для всѣхъ каюковъ. Но все же я

прошу имѣть въ виду, что я буду говорить лишь о томъ, что наблюдалъ на одномъ каюкѣ.

Каюкъ, на которомъ я плылъ, служитъ уже девятый годъ и былъ въ свое время самымъ большимъ каюкомъ; онъ и теперь можетъ поднять до 1500 пуд. Новый онъ стоилъ около 700 рублей съ оснасткою, съ якорями и съ лодками.

Въ настоящее время онъ до того уже износился, что съ трудомъ, при тщательномъ уходѣ, можетъ прослужить еще два—три года.

Содержаніе каюка обходится недорого. На ремонтировку его тратится въ годъ не больше 30—40 рублей; нуженъ опытный лоцманъ,—ему платятъ 80 руб. въ навигацію и даютъ право вывезти 50 пуд. рыбы; какъ мы уже знаемъ, рабочіе стоятъ дешево.

Но и при всемъ томъ, ни одинъ каючникъ не плаваетъ на каюкѣ безъ того, чтобы не принять къ себѣ „товарища", „пайщика".

Кто нибудь изъ мелкихъ якутскихъ купцовъ входитъ съ хозяиномъ каюка въ соглашеніе о томъ, что онъ имѣетъ право везти на каюкѣ внизъ свои товары, сколько ему потребуется, а вверхъ свою рыбу въ опредѣленномъ количествѣ пудовъ,—и за все это онъ платитъ хозяину каюка опредѣленную сумму, приблизительно по 50 коп. съ пуда вывозимой рыбы. Такихъ „товарищей" бываетъ на иномъ каюкѣ два и три. На нашемъ было два товарища. Уплативъ деньги хозяину, „товарищи" знать не хотятъ никакихъ расходовъ на содержаніе каюка. Содержаніе же нашего каюка нашему хозяину стоило очень дешево, такъ какъ у него платныхъ рабочихъ было всего лишь трое,—остальные же работали за право вывоза рыбы; въ числѣ ихъ 5 человѣкъ имѣли право на вывозъ по 50 пудовъ.

Раздавши такимъ образомъ больше половины мѣста на каюкѣ, нашъ хозяинъ заботился не столько

о рыбѣ, сколько о скупкѣ оленьихъ шкуръ, мѣховой одежды и лебяжьяго пуха, напирая главнымъ образомъ на торговлю водкой.

Всѣ эти обитатели каюка представляютъ собою купцовъ въ большемъ или меньшемъ масштабѣ. Каждый рабочій, каждый „товарищъ", самъ хозяинъ— всѣ, дѣйствуя порознь, имѣя свои отдѣльные товары, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль: какъ можно лучше объегорить инородца и какъ можно выгоднѣе сбыть свои товары: водку, чай, табакъ, муку и пр.

На каюкахъ чаще, чѣмъ гдѣ либо,—на почвѣ надувательства низоваго инородца,—сначала въ роли рабочаго, затѣмъ въ роли „товарища" и каючника,— и вырабатываются тѣ таланты, которые успѣли завоевать для якутовъ репутацію врожденныхъ коммерсантовъ.

Я помню одну сцену: какой-то оборванный тунгусъ привезъ на своей „вѣткѣ" къ намъ на каюкъ пуда полтора рыбы (омуль и муксунъ) и оленью „кухлянку", совершенно новую, не ношенную. Какъ и всегда, если привозящій товаръ не былъ заподряженъ раньше кѣмъ либо изъ плывущихъ на каюкѣ,—право первыхъ переговоровъ съ инородцемъ принадлежало хозяину,—и онъ сталъ торговаться съ тунгусомъ. Прежде всего онъ заявилъ, что рыбы и такъ очень много на каюкѣ, класть некуда,—а „кухлянку" нашелъ подержанною и малой на его ростъ,—но все таки и рыбу, и кухлянку взялъ и отложилъ къ себѣ въ сторону. Никто изъ прочихъ обитателей каюка не вмѣшивался въ эту торговую сдѣлку.

Тунгусъ молчалъ. Ни слова не сказалъ онъ и тогда, когда хозяинъ каюка рѣшилъ дать ему за весь товаръ 1 кирпичъ чаю (60 коп.) и 10 фунтовъ ржаныхъ сухарей (65 к.)

Но хозяинъ не ограничился тѣмъ, что далъ ему такъ мало,—онъ сунулъ ему подмокшій кирпичъ и

на своемъ фальшивомъ безменѣ отвѣсилъ ему никакъ не больше 8 фун. сухарей (вѣсъ мѣшка не былъ принятъ въ счетъ вѣса). Жена хозяина стояла около мужа и помогала ему тѣмъ, что съ самымъ серьезнымъ видомъ и довольно таки неприлично бранила своего супруга за то, что тотъ набираетъ такъ много рыбы, скупаетъ мѣховую одежду и платитъ за все такъ невѣроятно дорого, приводя рядъ примѣровъ того, какъ все это (и рыба, и мѣха) дешевы въ Якутскѣ.

Я помню еще случай, какъ одинъ изъ рабочихъ нашего каюка продалъ свой подержанный якутскій ножъ (25 коп.) за 150 кандевокъ (цѣною на 2 р.); помню какъ 1 кусочекъ яичнаго мыла былъ проданъ за 100 кандевокъ; много было такихъ примѣровъ.

Къ сожалѣнію, на нашемъ каюкѣ не было уже ни одной бутылки водки,—водка была распродана тамъ, гдѣ каюкъ стоялъ во время неводьбы. Но я прекрасно знаю, что за 1 бут. водки каюкъ беретъ или 1 пудъ нельмы (2 р. и 2 р. 20 к.) или два пуда муксуна (по 1 р. и по 1 р. 20 за пудъ).

Водка считается самымъ выгоднымъ товаромъ на рыбномъ дѣлѣ. И ни одинъ каюкъ не вывозилъ изъ Якутска меньше 10-ти флягъ спирта по 3 ведра въ каждой. Я зналъ одинъ каюкъ, на которомъ въ это лѣто было сплавлено 100 ведеръ спирта. А каждое ведро спирта даетъ 3 ведра водки фабрикаціи каючниковъ. И всегда вся водка распускается безъ остатка; и пока есть водка, инородецъ не беретъ другого товара, хотя каючники и считаютъ для себя выгоднымъ спустить цѣну на чай, порою и на муку ниже „Громовской“, единственно въ разсчетѣ на то, что водка все покроетъ. И водка раззоряетъ инородца, обогащая купцовъ.

Какъ ни пытаются бороться съ этимъ зломъ, но до сихъ поръ ничего не могутъ сдѣлать. Впрочемъ,

я этому не удивляюсь. Лица, на обязанности которыхъ лежитъ на мѣстѣ рыболовства слѣдить за интересами инородцевъ, лишь способствуютъ тому и даже сами принимаютъ участіе въ позорномъ дѣлѣ спаиванья инородцевъ; примѣры увидимъ ниже.

Центромъ управленія всѣмъ Жиганскимъ улусомъ является село Булунъ, гдѣ находится инородная управа, гдѣ пребываетъ участковый полицейскій засѣдатель, гдѣ стоитъ церковь съ причтомъ при ней, гдѣ, наконецъ, живетъ цѣлая дюжина мѣстныхъ купцовъ, главныхъ скупщиковъ всякаго сырья.

Булунъ заслуживаетъ того, чтобы мы остановились на немъ подольше, какъ средоточіи торговли и какъ центрѣ административнаго управленія самымъ отдаленнѣйшимъ изъ полицейскихъ участковъ въ Верхоянскомъ округѣ.

III.

Селеніе Булунъ Жиганскаго улуса, Верхоянскаго округа, стоитъ въ 300 верстахъ отъ устья Лены и въ 1900 вер. отъ гор. Якутска, на лѣвомъ берегу рѣки,—приблизительно подъ 71^0 с. ш.,—въ серединѣ той части Лены гдѣ она течетъ однимъ русломъ и не имѣетъ ни одного острова. Это положеніе Булуна въ центрѣ лучшихъ рыболовныхъ песковъ на Ленѣ и дало ему сравнительно быстрый ростъ.

Въ послѣдніе года, въ теченіе не больше 30 лѣтъ, Булунъ увеличился почти вдвое.

Было время, когда Жиганскъ считался наиболѣе населеннымъ мѣстомъ въ низовьяхъ Лены; но теперь онъ совершенно опустѣлъ. Въ Жиганскѣ при деревянной церкви теперь живетъ священникъ съ семействомъ, живутъ еще причетникъ и сторожъ,—и больше ни души. Не для кого службу совершать. Сохранилось преданіе, что Жиганскъ запустѣлъ съ тѣхъ

поръ, какъ его разграбила шайка какихъ-то бѣглыхъ каторжныхъ, проплывшихъ внизъ по Ленѣ съ Алдана. Добила же его окончательно оспа, посѣтившая Жиганскъ еще на памяти старожиловъ и унесшая почти поголовно все населеніе.

Оспа—одинъ изъ страшныхъ бичей низовья Лены. Я видѣлъ на одномъ изъ самыхъ сѣверныхъ острововъ дельты Лены, противъ Быкова мыса, селеніе Зимовьелахъ; нѣкогда оно было заселено русскими; 18 лѣтъ тому назадъ, когда пароходъ „Лена" впервые вошелъ въ Лену, въ немъ было больше 10 семействъ якутовъ; теперь тамъ не больше двухъ семействъ;—все остальное населеніе уничтожено было оспой.

На Булунѣ, повидимому, тоже жизнь тяжела. Это видно уже по обилію крестовъ на его трехъ кладбищахъ; климатъ здѣсь незавидный: почва сырая и съ вѣчной мерзлотою на глубинѣ $^{3}/_{4}$ аршина; постоянные вѣтра, — зимою обильные снѣжные заносы, холодъ.

По метеорологическимъ наблюденіямъ, производившимся мною съ 19-го іюля по 6 августа, температура воздуха на Булунѣ ни разу не была выше $+18,2^{0}$ Ц. (20 іюля въ 12 ч. дня); въ ночь на 31 іюля былъ иней; 2 августа шелъ снѣгъ. Температура воды за все это время не была выше $+20^{0}$ Ц. (25 іюля); температура почвы на глубинѣ 38 сантим. не подымалась выше $+4^{0}$ Ц. (22 іюля въ 9 ч. веч.). Безвѣтренныхъ, тихихъ дней было всего лишь два: 23 іюля и 6 августа.

Понятно, какъ, при такихъ условіяхъ климата, постоянной угрозѣ эпидеміи, жители Булуна обезпокоены тѣмъ, что у нихъ нѣтъ буквально никакой врачебной помощи: ближайшая больница, ближайшій фельдшеръ—въ Верхоянскѣ, за 900 верстъ.

Больница и фельдшеръ на Булунѣ необходимы уже по одному тому, что на Булунѣ въ теченіе лѣта за

время рыбнаго промысла бываетъ около 2000 народа, стекающагося туда со всѣхъ сторонъ; они могутъ легко занести болѣзнь; они, во время работъ, по нѣсколько разъ въ лѣто болѣютъ отъ порѣзовъ рукъ при чисткѣ рыбы, отъ ушибовъ при неводьбѣ, отъ простудъ въ водѣ. Иногда отсутствіе своевременной помощи калѣчитъ ихъ на всю жизнь. И присутствіе на Булунѣ фельдшера было бы полезно еще въ томъ отношеніи, что черезъ него можно было бы установить надъ каючниками хоть какой нибудь санитарный надзоръ.

Мы слыхали, что фирма А. И. Громовой заинтересованная въ медицинской помощи для ея рабочихъ, предложила медицинскому инспектору въ Якутскѣ позаботиться объ устройствѣ на Булунѣ больницы съ постояннымъ фельдшеромъ; съ своей стороны фирма предлагаетъ въ теченіе 10-ти первыхъ лѣтъ платить отъ себя жалованье фельдшеру въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ.

Мы увѣрены, что предложеніе это встрѣтитъ поддержку какъ со стороны казны, такъ и со стороны Жиганской инородной управы и мѣстныхъ купцовъ, и больница на Булунѣ будетъ открыта *).

Въ настоящее время на Булунѣ болѣе 30 домовъ и около 80 душъ постояннаго населенія, которое не покидаетъ Булуна круглый годъ. Но если считать и тѣхъ, которые лѣтомъ разъѣзжаютъ по рыболовнымъ пескамъ, а всю зиму находятся въ разъѣздахъ по дѣламъ торговли, то населеніе Булуна будетъ не менѣе 150 душъ.

Два года тому назадъ на Булунѣ выстроена новая деревянная церковь св. Спаса и при ней церковно-приходская школа; съ осени 96 года тамъ живетъ участковый полицейскій засѣдатель; тамъ находится

*) Лѣтомъ 1898 года на Булунѣ былъ уже фельдшеръ.

Жиганская инородная управа; тамъ торгуютъ, кромѣ 12-ти мѣстныхъ купцовъ, довѣренные двухъ самыхъ крупныхъ фирмъ въ Якутскѣ: Громовой и Кушнарева. На Булунѣ, наконецъ, имѣется казенный хлѣбный запасный магазинъ, складъ казенной соли и запасъ рыбы на случай голодовки. Ежегодно изъ Якутска на Булунъ приходитъ пароходъ „Лена“.

Опыты самаго послѣдняго времени доказали, что на Булунѣ есть много хорошаго корма для рогатаго скота. Каждый годъ съ первымъ рейсомъ парохода туда привозятъ нѣсколько штукъ коровъ и быковъ, все лѣто получаютъ отъ коровъ молоко, а на быкахъ работаютъ,—и на зиму убиваютъ ихъ на мясо.

Но я увѣренъ, что если будутъ во время косить тамошнюю траву,—для рогатаго скота будетъ достаточенъ запасъ сѣна и на зиму.

Не мало способствуетъ росту Булуна еще и то обстоятельство, что онъ лежитъ на перекресткѣ торговыхъ дорогъ съ одной стороны на Оленскъ, Анабару и Хатангу,—съ другой стороны на Яну и Индигирку. Весь этотъ громадный районъ побережья Ледовитаго океана снабжается товарами булунскихъ купцовъ, держащихъ все населенiе этого края въ монопольной эксплоатацiи.

Купцы на Булунѣ самый многочисленный классъ и они занимаютъ господствующее положенiе.

Булунскiй купецъ—совершенно особый и своеобразный типъ купца. Если онъ беретъ невѣроятные для городскаго купца проценты на товаръ, такъ за то онъ и работаетъ не какъ городской аршинникъ за прилавкомъ. Вся жизнь Булунскаго купца—безостановочные разъѣзды на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ во всякую погоду, на оленяхъ и на собакахъ.

Булунскiй купецъ долженъ самъ развозить свои товары каждому якуту или тунгусу на домъ. Да и

то еще у него будетъ брать товаръ лишь тотъ инородецъ, который съ нимъ давно „знакомъ". Булунскій купецъ, въ сущности говоря, не торгуетъ своими товарами, а „даритъ" ихъ,—и даритъ ихъ какъ разъ въ то время, когда у инородца нѣтъ ничего и ему нечѣмъ „отдаривать". Но вотъ въ серединѣ зимы у инородца набралось уже много пушнины; тутъ-то и является булунскій купецъ за „отдарками", спеціально для этого снова изъѣздившій много верстъ. Купецъ, конечно, ведетъ свой счетъ своимъ подаркамъ; инородецъ тоже знаетъ, на какую цѣну надо отдарить,—и каждый думаетъ, какъ бы одурачить другъ друга. Преимущество всегда на сторонѣ купца,—у него всѣ козыри въ рукахъ: у него съ собою водка. Купецъ уже раньше, приближаясь къ своему пріятелю—должнику, узналъ, что у него есть рѣдкостный голубой песецъ, или дорогая чернобурая лисица, либо высокій соболь.

Типичнѣйшимъ представителемъ булунскихъ купцовъ должно считать Якова Өедоровича Санникова, купца 2-й гильдіи. Онъ вездѣ почетный гость; ежегодно бывая въ Якутскѣ на ярмаркѣ, онъ „гоститъ" у самыхъ высокопоставленныхъ лицъ; онъ за пожертвованія избранъ почетнымъ членомъ Якутскаго братства во имя Христа.

Ни у одного изъ булунскихъ купцовъ нѣтъ среди инородцевъ такого обширнаго „знакомства", какъ у Санникова; у него въ пяти или шести мѣстахъ до тысячи оленей пасутся подъ присмотромъ пастуховъ; у него десять приказчиковъ разъѣзжаютъ въ разныхъ мѣстахъ съ его товарами „на отчетѣ"; онъ ежегодно посылаетъ на Ляховскіе острова и на острова Анжу и Делонга своихъ рабочихъ для собиранія мамонтовой кости.

По собственнымъ словамъ Санникова, онъ разбогатѣлъ недавно, неожиданно и въ одинъ годъ. У

него было очень много шкурокъ песца, и песецъ вдругъ неожиданно на Якутской ярмаркѣ поднялся въ цѣнѣ ровно вдвое,—и Санниковъ сразу получилъ 40.000 барыша.

Этотъ случай вполнѣ вѣроятенъ; я думаю, что такихъ пріятныхъ неожиданностей было у Санникова не мало. Надо хоть одинъ разъ видѣть Санникова, хоть одинъ часъ поговорить съ нимъ, чтобы понять, что Санниковы именно и должны наживаться среди инородцевъ и никто, какъ они.

Всегда сдержанный, всегда умѣющій увлекательно разсказать что нибудь изъ своихъ многочисленныхъ приключеній, сразу понимающій людей, съ кѣмъ имѣетъ дѣло,—Яковъ Ѳедоровичъ, какъ никто, всегда самымъ ловкимъ манеромъ „ведетъ свою линію".

Всѣ прочіе булунскіе купцы вмѣстѣ взятые не ведутъ столь обширной торговли, какъ одинъ Санниковъ. Про его вліяніе на Булунѣ у мѣстныхъ жителей сложилась даже поговорка: „на небѣ Богъ, а на Булунѣ Яковъ Санниковъ".

Меня сильно интересовалъ вопросъ, на сколько прославленію купеческихъ именъ на Булунѣ помогаетъ водка, но рѣшить его я не могъ.

По свѣдѣніямъ оффиціальныхъ отчетовъ я могъ узнать, что въ Жиганскомъ улусѣ въ 1896 году чаю кирпичнаго продано было на 10.000 руб., табаку листоваго на 5.000 руб., сахару на 4.000 руб., муки на 3.500 руб., бумажныхъ тканей на 1.600 р. и т. д. Меньше всего фарфоровой и фаянсовой посуды—на 80 руб. А водки ни на одинъ грошъ! Между тѣмъ я самолично видѣлъ привезенными на Булунъ 125 ведеръ спирта; да весной на каюкахъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, было привезено туда же около 200 ведеръ спирта, итого 325 ведеръ (кромѣ виноградяаго вина), что, при стоимости 1 бутылки водки градусовъ въ 30 не менѣе 1 р. 50 к.,

дастъ цифру по крайней мѣрѣ въ 25.000 руб.! Это ближе къ правдѣ. Я не могъ собрать свѣдѣній о томъ, много ли привозится винограднаго вина на Булунъ. Я видѣлъ, что священникъ привезъ на Булунъ около 20 ящиковъ разнаго вина (около 40 ведеръ), видѣлъ, что и булунскіе купцы привозили не меньше. Но все это вино привозится на Булунъ яко бы „для угощенія знакомыхъ“. Одно могу сказать, что на Булунѣ и незнакомому, какъ у священника, такъ и любаго купца, всегда можно достать виноградное вино.

IV.

Всякое удобное мѣсто, гдѣ только можно закинуть сѣть или вытащить на берегъ неводъ, называется „рыболовнымъ пескомъ“. Такихъ песковъ въ низовьѣ Лены масса. На каждомъ изъ нихъ издавна сидитъ какая нибудь семья объякутившихся тунгусовъ и испоконъ вѣковъ ловитъ рыбу, считая песокъ своимъ, „родовымъ пескомъ“. Въ аренду поступаютъ лишь тѣ изъ песковъ, которые по какимъ нибудь причинамъ утеряли хозяина: умеръ ли онъ, перешелъ ли на другое мѣсто и т. п.

Всѣ такіе свободные пески записываются въ особую „книгу песковъ“ и въ опредѣленный день (около 6 или 8 іюня), когда Лена совершенно очищается отъ ледянаго покрова, эти пески отдаются въ аренду всѣмъ желающимъ взять ихъ съ торговъ.

На торгахъ, гдѣ въ 1897 году присутствовалъ и я, было не меньше 30 человѣкъ, желающихъ взять пески въ аренду. Песковъ, подлежащихъ сдачѣ въ аренду было около 35. Но такъ какъ пески эти обладали далеко не равными достоинствами, то на лучшіе пески энергично „набивали цѣну“. Торги происходили въ управѣ подъ предсѣдательствомъ

земскаго засѣдателя, въ присутствіи всѣхъ членовъ улусной Жиганской управы и улуснаго головы.

Обыкновенно черезъ нѣсколько дней послѣ торговъ назначалась переторжка.

Цѣну каждаго сдаваемаго въ аренду песка объявлялъ предсѣдатель, и если послѣ трехкратнаго объявленія назначенной цѣны, никто не давалъ за этотъ песокъ ни гроша, песокъ назначался на переторжку. Такихъ песковъ было много. Но хорошихъ песковъ было мало и за ними гнались чуть ли не всѣ присутствовавшіе. Арендную плату одного небольшого песка, оцѣненнаго въ 40 руб., быстро набили до 261 руб.; другой песокъ пошелъ за 300 руб.; третій за 110 рублей. Цѣна эта назначалась за право пользованія въ теченіе только одного лѣта.

Но каючники чаще всего цѣнятъ въ пескѣ не столько удобство ловли рыбы, сколько удобство сбыта своихъ товаровъ, главнымъ образомъ—водки;—на бойкомъ мѣстѣ имъ и невода не надо: „рыба сама пойдетъ въ бутылку".

Что же касается тѣхъ песковъ, на которыхъ промышляютъ рыбу сами инородцы, то они (такъ называемые „наслежные пески") въ аренду не сдаются и они всецѣло находятся въ распоряженіи того рода якутовъ, который на немъ ловитъ рыбу. Каюки приплываютъ на Булунъ не раньше 6 іюня и здѣсь дожидаютъ торговъ на рыболовные пески.

И выше Булуна, и ниже по Ленѣ, задолго еще до торговъ на пески, на всѣхъ тѣхъ пескахъ, гдѣ ловятъ рыбу сами инородцы, каючники уже разставили своихъ приказчиковъ для скупки рыбы. Приказчики получаютъ отъ хозяина соль и бочки, а для скупки рыбы—разнаго рода товары и водку. Приказчикъ получаетъ отъ каючника списокъ всѣхъ его старыхъ должниковъ,—и сейчасъ-же по при-

бытіи начинаютъ выполнять свою миссію: скупать и засаливать рыбу, опаивая инородца.

Инородецъ долженъ приносить рыбу совершенно уже готовую къ засолкѣ: у рыбы должна быть отнята голова, рыба должна быть распластана, внутренности ея выпущены. Чистоты не требуется,—гдѣ, какъ и чѣмъ чистилъ рыбу инородецъ, приказчику не интересно. Ему надо знать, сколько по вѣсу принято рыбы,—и онъ свои способности изощряетъ главнымъ образомъ на томъ, чтобы вѣсъ оказался меньше. Вмѣсто гирь на вѣсахъ онъ употребляетъ какіе то сомнительные камни, и на коромыслѣ его вѣсовъ обломана стрѣлка; если онъ вѣситъ на безменѣ (чаще всего), то безменъ берется старый, искривленный. Сверхъ того „принято" съ каждаго пуда рыбы дѣлать скидку въ 3—4 фунта на пудъ,—какъ говорятъ: „на разсолъ". Въ видахъ неизбѣжныхъ пониженій вѣса рыбы при сдачѣ, инородцу нѣтъ разсчета заботиться еще и о томъ, чтобы на рыбѣ не было слизи, крови, грязи, порой песку и камешковъ.

Приказчику же нѣтъ времени перемывать рыбу послѣ пріемки,—и грязная рыба идетъ въ засолъ. Не всегда, впрочемъ, принятая рыба идетъ сейчасъ же и въ засолъ; случается она пролежитъ въ какой нибудь бочкѣ и сутки, и больше безъ соли. Конечно, рыба отъ этого сильно портится, такъ какъ случается, что въ низовьяхъ Лены бываютъ очень жаркіе дни: 11 іюня въ 12 ч. дня подъ 71,5° с. ш. было +22° Ц. въ воздухѣ *).

При такой упрощенной системѣ приготовленія рыбы къ засолу,—самый процессъ засола не менѣе

*) *Э. Толь* въ своемъ отчетѣ по „Экспедиціи на Ново-Сибирскіе острова" указываетъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ широтою 72° онъ наблюдалъ температуру +34° С.

простъ. Необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ бочкахъ, въ которыя укладывается каючниками рыба.

Раньше всего, если вы подойдете къ бочкѣ каючника, васъ поразитъ страшная вонь. Десятки лѣтъ однѣ и тѣ же бочки ходятъ на каюкахъ съ рыбою и никогда онѣ не только не выжигаются, но даже не промываются горячею водой. Кровь рыбы, жиръ, грязь, чешуя рыбья —постепенно ложатся и внутри, и снаружи бочки,—и образуютъ толстый слой вонючей грязи, до такой степени въѣвшейся въ дерево, что ее нельзя отколупнуть даже помощью ножа.

Понятно, рыба, уложенная въ такую бочку, пріобрѣтаетъ ея вонь,—тотъ отвратительный специфическій запахъ соленой рыбы, который любители называютъ „душкомъ".

Какъ я уже сказалъ, процессъ засолки рыбы очень простъ: принесенную инородцемъ рыбу, не промывая даже ея, пересыпаютъ двумя—тремя горстями соли и кладутъ въ бочки рядами какъ можно плотнѣе другъ къ другу. При чемъ каючники не имѣютъ привычки разные сорта рыбы класть въ разныя бочки,—они и омуля, и кандевку, и стерлядь, порой даже и нельму валятъ безъ разбора въ одну и ту же бочку. Сваленная такимъ образомъ рыба теряетъ свойственный каждому сорту рыбы свой особый вкусъ.

Черезъ нѣсколько дней „рыба даетъ разсолъ" и нѣсколько осѣдаетъ въ бочкѣ, и бочку докладываютъ рыбой. „Рыбный разсолъ" получается благодаря тому, что соль, насыпанная внутри рыбы, втягиваетъ въ себя сока рыбы и растворяется въ нихъ, — получается жидкость извѣстной степени плотности и розоватая на видъ.

Въ разсолѣ этомъ получается много питательныхъ частей рыбы. Сама рыба изъ разсола беретъ въ себя соль и тѣмъ самымъ преграждаетъ къ себѣ

доступъ изъ воздуха всякимъ гнилостнымъ микробамъ. Одна изъ главнѣйшихъ задачъ при засолкѣ рыбы состоитъ въ томъ, чтобы разсолъ былъ достаточной крѣпости, т. е. чтобъ было больше соли и чтобы въ этомъ самомъ „рыбномъ разсолѣ" рыба оставалась до того момента, когда ее вынимаютъ для потребленія.

Каючники игнорируютъ эти требованія. Соли они кладутъ не болѣе 4—5 фунт. на одинъ пудъ рыбы; рыбный разсолъ не берегутъ, такъ какъ ихъ негодныя бочки даютъ сильную течь, и они вынуждены вытекшій разсолъ замѣнять соленою водой,—и это сильно ухудшаетъ качество рыбы: она становится менѣе питательною (вновь положенная соль снова вытягиваетъ питательные соки) и очень соленою на вкусъ. При самой даже хорошей засолкѣ, при соблюденіи всѣхъ требованій хорошаго разсола, рыба теряетъ вѣсъ. Пудъ свѣжей рыбы, при вынутіи изъ разсола, даетъ всего лишь 36 фунтовъ: 4 фун. питательныхъ соковъ рыбы ушло въ разсолъ.

У каючниковъ при ихъ засолкѣ теряется еще больше.

Пока приказчики каючника скупаютъ рыбу, онъ самъ со своими рабочими на арендованномъ пескѣ своими неводами ловитъ рыбу.

По многолѣтнимъ наблюденіямъ мѣстныхъ рыболововъ разные виды рыбы появляются на рыболовныхъ пескахъ низовья Лены не въ одно и то же время.

Надо замѣтить, что въ низовьяхъ Лены промышляютъ только крупныхъ рыбъ. До прошлаго года очень вкусная рыба „кандевка" изъ семейства *лососевыхъ* средней величины (до $1^1/_2$ фунта) выбрасывалась изъ сѣтей и неводовъ, какъ не стоющая вниманія; и до сихъ поръ гоняются главнымъ образомъ за крупной рыбой: нельмой, муксуномъ, омулемъ, чиромъ, тайменемъ и отчасти стерлядью и осет-

ромъ. Я говорю, что за стерлядью и осетромъ гоняются мало, потому что стерлядь и осетръ живутъ на глубокихъ мѣстахъ, и ихъ на Ленѣ можно добывать только переметами; переметы же на Ленѣ въ очень маломъ употребленіи.

Изъ числа названныхъ нами рыбъ раньше всѣхъ появляется въ устьѣ р. Лены *нельма*, ходъ которой начинается не позже 8 іюня; она быстро проходитъ и къ 15 іюня встрѣчается уже мало; около 20-хъ чиселъ августа нельма иногда появляется снова. Нельма (это „сибирская бѣлорыбица") является самою цѣнною рыбою, самою крупною (я встрѣчалъ нельму вѣсомъ 1 п. 5 ф.) и самою вкусною рыбой. Въ этомъ году, благодаря тому, что Лена очистилась отъ льда необычайно поздно, ловъ нельмы былъ очень плохъ,—рыболовы предполагаютъ, что она прошла изъ моря вверхъ по Ленѣ подо-льдомъ, когда еще нельзя было ловить рыбу.

Числа 15-го іюня появляется *чиръ*,—и тоже скоро проходитъ; въ первыхъ числахъ іюля его уже попадается очень мало.

Затѣмъ идетъ *омуль*,—чаще всего съ конца іюня, рѣдко раньше (въ этомъ году съ 25 іюня). Но случается и такъ (какъ, наприм., въ 1896 г.) омуля было очень мало. Обыкновенно *омуль* попадается до 20-хъ чиселъ іюля.

Съ 8-го іюля вмѣстѣ съ омулемъ попадается *кандевка*, которая чѣмъ ближе къ зимѣ, тѣмъ становится обильнѣе и обильнѣе. Мнѣ говорили, что глубокою осенью въ одну тоню (въ одинъ неводъ) иногда попадается сразу до 2000 штукъ кандевокъ.

Съ 15 іюля вмѣстѣ съ омулемъ и кандевкой начинаетъ попадаться *муксунъ*, который къ 29 іюля окончательно вытѣсняетъ омуля, а въ среднихъ числахъ августа идетъ въ особенномъ изобиліи.

Чиръ, омуль и муксунъ въ среднемъ вѣсятъ по 8—9 фунтовъ; въ рѣдкихъ случаяхъ попадаются больше—до 12 фунтовъ; я видѣлъ чира, вѣсившаго $14^1/_2$ фунтовъ.

У каючниковъ остается очень мало времени для лова рыбы: къ 15 іюля они всѣ обыкновенно собираются въ обратный путь къ Якутску.

Ловятъ они обыкновенно неводами, сплетенными изъ тальниковой бичевки. Невода эти очень непрочны; при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не могутъ прослужить больше 3-хъ лѣтъ, но зато очень дешевы; одинъ столбъ невода длиною въ $2^1/_2$ саж. стоитъ не дороже 1 рубля.

Цѣлый неводъ длиною около 80 саж. можно купить за 25—30 рублей. Тогда какъ такихъ же размѣровъ волосянной неводъ (особенно изъ бѣлаго „хвостоваго" волоса) стоитъ около 100 рублей. Ячеи невода „въ крыльяхъ" дѣлаются не больше 2 англ. дюймовъ по сторонѣ; ячеи „монеи" около 1 англ. дюйма. Невода эти плетутся преимущественно якутами Намскаго улуса Якутскаго округа и привозятся въ низовья Лены каючниками. Волосянные невода плетутся въ Вилюйскомъ округѣ; тамъ, говорятъ, волосъ дешевле и мастера опытнѣе.

На одинъ неводъ ставятъ обыкновенно 4 или 5 рабочихъ. Дорожа временемъ, каючники заставляютъ рабочихъ забрасывать тоню за тоней почти безпрерывно. Если рабочихъ много, однимъ неводомъ ловятъ въ двѣ смѣны. Случается, что въ сутки вытягиваютъ до 20 тоней однимъ неводомъ.

Засолка рыбы самимъ каючникомъ ничѣмъ не отличается отъ засолки рыбы его приказчикомъ. По окончаніи лова рыбы каюкъ идетъ вверхъ; по пути онъ забираетъ къ себѣ всѣхъ своихъ приказчиковъ со всею ихъ рыбой и спѣшитъ въ Якутскъ.

V.

Булунскіе купцы въ свободное отъ разъѣздной торговли время, лѣтомъ не брезгаютъ заниматься и рыбнымъ дѣломъ. Они берутъ на себя подрядъ доставить кому либо рыбу. До сихъ поръ они ежегодно доставляли рыбу на пароходъ „Лена". У нихъ, какъ и у инородцевъ, нѣтъ ни своей соли, ни своихъ бочекъ, и все это они получали отъ парохода,—бочки по счету, а соль въ такомъ размѣрѣ, чтобы на пудъ рыбы они клали не меньше 5—6 фунтовъ соли. Булунскіе купцы сами должны были арендовать песокъ, поставить своихъ рабочихъ къ неводу, ловить своими неводами, сами засаливать,—и за каждый пудъ приготовленной рыбы получали: нельмы по 2 р. и даже по 2 р. 25 к., за прочую по 1 р. и по 1 р. 20 к.

Но въ послѣдніе два года рыба засолки булунскихъ купцовъ (за немногими исключеніями) была до того плоха, что фирмѣ А. И. Громовой пришлось выбросить эту рыбу и получить изъ-за нея много непріятностей. И фирма Громовой съ этого года рѣшила не покупать у купцовъ соленой рыбы, а держать своихъ засольщиковъ и солить рыбу по своему, на астраханскій манеръ.

Есть основаніе подозрѣвать, что булунскіе купцы клали въ рыбу далеко не 5—6 фунтовъ соли на пудъ, а значительно меньше,—и фирма несла тройные убытки: теряла свою соль, выбрасывала рыбу и вывозила рыбу на своемъ пароходѣ за 2000 верстъ для того, чтобы выбросить ее вонъ

Я уже говорилъ въ началѣ замѣтки, что съ 1898 г. пароходъ „Лена" значительно понижаетъ плату за провозъ. Теперь за пудъ клади отъ Булуна до Якутска пароходъ беретъ 1 р. 50 к. Это ужасно дорого! Съ будущаго года разсчитываетъ брать по

1 р. съ пуда. За 2000 верстъ это не дорого. И тогда булунскіе купцы, вѣроятно, поймутъ, что для нихъ удобнѣе всего за свой счетъ отправлять рыбу своей засолки въ г. Якутскъ для продажи. И соль, и бочки они могутъ выписывать, такъ какъ плата съ одного пуда на томъ же пароходѣ отъ Якутска до Булуна всего лишь 40 коп.

Но что особенно, на мой взглядъ, важно, такъ это то, что пониженная плата за провозъ клади на пароходѣ должна повести къ постепенному уничтоженію каюковъ, въ чемъ, конечно, заинтетесованъ и пароходъ.

Итакъ булунскіе купцы за опредѣленную цѣну сдавали пароходу совершенно готовую рыбу.

Ловятъ они рыбу такими же неводами, какъ и каючники, чаще волосяными; рабочихъ на неводъ ставятъ тоже по 4 человѣка,—пятый - или пятая—готовитъ чай, пищу и чиститъ—засаливаетъ рыбу.

Но рабочіе на Булунѣ еще дешевле каючныхъ. Рабочихъ нанимаютъ на все лѣто,—съ 9 мая по 14 сентября на слѣдующихъ условіяхъ: за все лѣто платятъ имъ по 20 р. деньгами, даютъ имъ 1 пару „торбасовъ" (родъ обуви), 1 пару подошвъ (къ тѣмъ же торбасамъ) и 1 ситцевую рубаху; все это, вмѣстѣ съ 20 р., не превышаетъ 25 рублей. Пища, конечно, хозяина: рыбы ѣшь, сколько хочешь, чаю пей то-же въ „охотку",—хлѣба нѣтъ,—даютъ понемногу сухарей;—даютъ еще соль къ рыбѣ, благо она даровая,—но инородцы мало употребляютъ соли. Въ среднемъ выводѣ, при среднемъ ходѣ рыбы въ этомъ году, однимъ неводомъ было добыто около 250 пуд. рыбы. Бывали случаи, когда однимъ неводомъ въ теченіе одного дня добывали почти половину всего этого количества; но случается и такъ, что по недѣлямъ не могутъ поймать ни одной рыбы.

Рыболовы объясняютъ это тѣмъ, что часто трудно бываетъ на данномъ пескѣ „найти тоню", т. е. найти то мѣсто, гдѣ идетъ рыба. Но еще больше мѣшаетъ рыболову неприспособленность ихъ неводовъ и сѣтей къ рѣкѣ,—и тѣ и другія годны лишь для лова на мелкихъ мѣстахъ. Если рыба почему либо идетъ вдали отъ берега, на глубокихъ мѣстахъ,—этими неводами и сѣтями добыть ее нельзя.

Внизъ отъ Булуна на низкихъ пескахъ, я насчиталъ лѣтомъ этого года 15 неводовъ въ работѣ. Выше Булуна неводовъ меньше; всего лѣтомъ этого года ловили рыбу, вѣроятно, не больше, какъ 25 неводами,—считая невода и каючниковъ.

Но если мы предположимъ даже и нѣсколько большее число неводовъ, то и тогда замѣтимъ, что промыселъ рыбы неводами на Ленѣ развитъ очень слабо. Всѣ инородцы и многіе поселившіеся тамъ русскіе ловятъ сѣтями;—и сѣтями до сихъ поръ рыбы добывается больше, чѣмъ неводами.

Говоря о рыболовствѣ у инородцевъ низовья Лены, я долженъ прежде всего сказать о порядкахъ пользованія рыболовными песками среди этихъ инородцевъ.

Какъ я говорилъ уже выше, среди рыболовныхъ песковъ Лены наибольшую цѣнность представляютъ пески, расположенные въ той части Лены, гдѣ она течетъ однимъ русломъ, безъ острововъ.

Ниже этой части Лены и выше по Ленѣ есть множество песковъ, но тамъ уже нѣтъ такихъ благопріятныхъ условій для рыболовства. Ниже лежащіе пески, расположенные въ дельтѣ Лены, какъ морскіе пески, считаются вольными песками,—и тамъ кто хочетъ—можетъ заниматься рыболовствомъ безъ всякаго контроля и безъ платы; вышележащіе пески считаются принадлежащими тѣмъ наслегамъ и родамъ, въ границахъ владѣнія которыхъ они распо-

ложены,—на этихъ пескахъ безъ вѣдома наслежныхъ и родовыхъ властей никто ловить рыбу не можетъ.

Вообще всѣ пески по Ленѣ на всемъ протяженіи отъ Жиганска до океана считаются принадлежащими Жиганскому улусу и находятся въ вѣдѣніи Жиганской инородной управы.

Фактически же Жиганская инородная управа завѣдуетъ лишь тѣми рыболовными песками, которые сдаются въ аренду,—эти пески называются „улусными" (или торговыми) песками, въ отличіе отъ „наслежныхъ", на которыхъ ловитъ рыбу само инородческое населеніе наслеговъ Жиганскаго улуса, не сдавая ихъ въ аренду.

Но такъ какъ не у всякаго изъ родовъ, входящихъ въ наслегъ, и не у всякаго наслега въ предѣлахъ ихъ владѣній—находятся рыболовные пески по р. Ленѣ, то въ Жиганскомъ улусѣ встрѣчаются такія группы инородцевъ, у которыхъ нѣтъ рыболовныхъ песковъ на р. Ленѣ. Въ послѣднее время стали даже возникать на этой почвѣ разнаго рода споры изъ за несправедливаго распредѣленія песковъ. Впрочемъ споры эти пока на столько еще просты и несложны, что сама инородная управа рѣшаетъ ихъ безъ особыхъ затрудненій.

Необходимо указать еще на то, что въ числѣ инородцевъ Жиганскаго улуса числится: осѣдлыхъ инородцевъ 1456 д. об. п., кочующихъ 407 д. об. п. и бродячихъ 5 д. об. п. Изъ числа всѣхъ этихъ инородцевъ одни лишь осѣдлые („якуты", какъ они сами себя называютъ, но въ сущности это все „объякутившіеся" тунгусы—совершенно забывшіе и свой тунгусскій языкъ и свои обычаи)—владѣютъ рыболовными песками. Остальные инородцы не только не имѣютъ своихъ песковъ, но даже не имѣютъ „доли" въ той суммѣ, которая выручается отъ

сдачи „улусныхъ“ песковъ въ аренду. Но эти „кочующіе“ и „бродячіе“ инородцы начинаютъ „осѣдать“ на пескахъ и требуютъ себѣ песковъ. Здѣсь споръ изъ-за песковъ нѣсколько осложняется, хотя и въ этихъ случаяхъ пока происходитъ миролюбивое соглашеніе. Эти инородцы, не имѣющіе песковъ, не несутъ на себѣ одной изъ тягчайшихъ повинностей этихъ мѣстъ:—подводную повинность, состоящую въ томъ, что въ опредѣленные пункты для опредѣленныхъ надобностей населеніе должно выставлять опредѣленное число оленей и собакъ, на которыхъ тамъ возится и почта, и чиновники. Повинность эту отбываютъ одни лишь „осѣдлые“ „якуты“.

Когда „безпесочный“ инородецъ садится на какой либо песокъ, собственники этого песка (какой нибудь родъ якутовъ) требуютъ, чтобы этотъ сѣвшій на песокъ инородецъ тоже принималъ участіе и въ подводной повинности, для чего обязываютъ его—или платить деньгами три рубля въ лѣто, или „ставить“ одного оленя,—предоставляя за это ему право ловить все лѣто рыбу на своей лодкѣ съ однимъ условіемъ:—подчиняться всѣмъ правиламъ ловли, установленнымъ обычаемъ на данномъ пескѣ.

Но этотъ инородецъ не получаетъ доли въ суммѣ, выручаемой за пески, сдаваемые въ аренду.

До 1895 года всѣ деньги, выручавшіяся отъ сдачи въ аренду „улусныхъ“ песковъ, шли въ распоряженіе инородной управы (фактически—головы) и здѣсь всегда происходило очень много злоупотребленій: лучшіе пески сдавались „каючникамъ“ „по знакомству“ и за безцѣнокъ,—а деньги шли въ карманъ головы или болѣе вліятельныхъ „родовичей“.

Но въ 1895 году, по предложенію Верхоянскаго полицейскаго управленія, Жиганская инородная управа на общемъ собраніи сдѣлала слѣдующее постановленіе, вошедшее съ тѣхъ поръ въ законную силу.

1) Изъ суммъ, выручаемыхъ ежегодно отъ сдачи въ аренду рыболовныхъ песковъ, 300 р. ежегодно должны поступать въ распоряженіе Жиганской инородной управы на покрытіе ея текущихъ расходовъ;

2) остальная сумма должна ежегодно отсылаться въ Верхоянское полиц. управленіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти деньги были сдаваемы въ сохранную кассу при Якутскомъ окружномъ полиц. упр. и чтобы проценты на этотъ капиталъ причислялись къ капиталу,—носящему названіе „песковаго капитала Жиганскаго улуса;"

3) расходованіе этого капитала должно производиться самимъ улусомъ, но съ согласія Верхоянскаго полиц. управленія.

Капиталъ этотъ быстро растетъ и теперь (лѣто 1897 г.) имѣется не менѣе 4000 р.

Этотъ „песковой капиталъ" долженъ, на мой взглядъ, сыграть крупную роль въ вопросѣ объ улучшеніи положенія инородцевъ въ низовьи Лены. Сама инородная управа, руководимая чрезвычайно внимательнымъ къ нуждамъ населенія писаремъ А. П. Сыроватскимъ, понимаетъ значеніе этого капитала и обсуждаетъ много плановъ объ употребленіи его съ большею пользой.

Самымъ цѣлесообразнымъ употребленіемъ этого капитала—или даже лишь части суммы его ежегоднаго приращенія—я считалъ бы организацію дешевой доставки въ низовья Лены бѣлаго конскаго хвостоваго волоса вѣсскаго качества, идущаго на сѣти.

Пока волосъ, привозимый туда для продажи, такъ плохъ и такъ дорогъ, какимъ мы его находимъ на Булунѣ теперь,—развитіе рыболовнаго промысла у инородцевъ не можетъ дѣлать успѣховъ: они не въ силахъ будутъ ни увеличивать числа необходи-

мыхъ для нихъ „сплавныхъ сѣтей“ или „ставныхъ сѣтей“, и они не могутъ перейти къ ловлѣ рыбы неводами вмѣсто сѣтей.

Теперь инородецъ, если онъ желаетъ ловить рыбу самостоятельно, долженъ имѣть однѣхъ сѣтей:

1) для лѣтняго промысла не меньше, какъ на 30 р.,

2) для зимняго промысла не меньше, какъ на 60 р. Удешевленіе волоса имѣетъ большое значеніе для нихъ.

О самой техникѣ рыболовства говорить много не придется,—она очень проста и та же, что у инородцевъ другихъ мѣстъ крайняго сѣвера.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ инородцы низовья Лены ловятъ рыбу сѣтями. Сѣти, употребляемыя ими, бываютъ трехъ родовъ, отличающіяся другъ отъ друга лишь величиною ячеекъ Сѣти для ловли нельмы имѣютъ ячейки величиною отъ 3-хъ до 3½ англ. дюймовъ - по сторонамъ.

сѣти для ловли омуля и муксуна	2¼—2½ дюйма
„ „ „ кандевки . . .	1¼—1½ „

Длина этихъ сѣтей бываетъ обыкновенно 25—30 „маховыхъ саженей“; высота не меньше 2½ аршинъ. Лучшими сѣтями считаются сѣти, сдѣланныя изъ бѣлаго конскаго хвостоваго волоса.

Необходимою принадлежностью каждаго рыболова является маленькая лодка—„вѣтка“ („ты“ по мѣстному), выдолбленная изъ легкаго „плавниковаго“ дерева, которое мѣстные жители называютъ, то „пальмой“, то „тополью“. Это дерево прибивается морскими волнами къ островамъ въ дельты Лены. Благодаря этому исключительному мѣсту нахожденія „тополи“, выдѣлкой вѣтокъ занимается населеніе Приамурскаго наслега, Жиганскаго улуса, живущее въ западной части дельты Лены, на лѣвомъ берегу моря отъ устья Лены. Лодочки эти изъ Ту-

матскаго наслега зимой вывозятся вверхъ по Ленѣ и продаются по 20—25 руб. за штуку. При лодочкѣ всегда находится двулопастное длинное весло, которымъ инородецъ одновременно гребетъ—то съ той, то съ другой стороны—и правитъ, сидя посрединѣ лодки и соблюдая строгій балансъ. Въ лодочкѣ у него лежитъ колотушка, которой онъ „глушитъ" ударомъ по головѣ пойманную рыбу; крючекъ, которымъ онъ подхватываетъ рыбу; черпакъ деревянный для отливанья воды изъ лодки, и небольшое деревянное корытце или плетеная изъ прутьевъ корзина для ношенія рыбы.

Со всѣмъ этимъ багажемъ инородецъ выѣзжаетъ на рыбную ловлю.

Песокъ, на которомъ ловитъ рыбу инородецъ данной группы (рода или стойбища), строго ограниченъ,—песокъ этотъ тянется на 4 и на 8 верстъ, и только на этомъ протяженіи инородецъ данной группы имѣетъ право ловить рыбу. На своей легкой подвижной лодочкѣ со всѣми рыболовными снастями инородецъ ѣдетъ къ самому верхнему пункту своего песка и выбрасываетъ тамъ свою сплавную сѣть недалеко отъ берега поперекъ рѣки. Сѣть поддерживается на водѣ на поплавкахъ и постепенно плыветъ, вмѣстѣ съ теченіемъ воды, все ниже и ниже, до конца песка. Инородецъ плыветъ рядомъ съ сѣтью на своей лодочкѣ и зорко слѣдитъ за поплавками: если который либо изъ нихъ тонетъ, онъ спѣшитъ къ сѣти и вытягиваетъ изъ воды ту часть ея, надъ которой тонетъ поплавокъ; онъ ловко выхватываетъ изъ воды запутавшагося омуля или муксуна, „глушитъ" его колотушкой, бросаетъ сѣть въ воду, а рыбу въ лодку и снова продолжаетъ слѣдить за поплавками. Пока онъ проплываетъ весь свой песокъ, онъ добываетъ до 20 штукъ рыбы; случается часто и значительно больше.

Но не успѣлъ инородецъ отплыть отъ начальнаго пункта своего песка на полъ-версты, какъ вслѣдъ за нимъ уже плывутъ еще два рыбака на равномъ другъ отъ друга разстояніи, точно также слѣдя за поплавками своихъ сѣтей и строго соблюдая тишину.

Если на одномъ пескѣ собирается много рыболововъ, то устанавливается правильная очередь для забрасыванія сѣтей, случается, на одномъ пескѣ собирается до того много народа, что каждому рыболову приходится забрасывать свою сѣть не больше одного раза въ двое и больше сутокъ, особенно когда вѣтренные дни мѣшаютъ ловлѣ рыбы и никто не забрасываетъ сѣти.

VI.

Когда уходятъ изъ низовья Лены всѣ каюки, уходитъ и пароходъ, тогда инородецъ начинаетъ запасать рыбу для себя въ прокъ. Старожилы (какъ мѣстные купцы, такъ и инородцы) говорили мнѣ, что съ годами замѣтно уменьшается и уменьшается количество запасаемой инородцами рыбы въ прокъ для себя. Объясняется это отчасти тѣмъ, что рыбы съ годами вывозится отсюда все больше и больше, но главнымъ образомъ объясняется это тѣмъ, что инородецъ привыкаетъ надѣяться на запасъ муки и чая, которые разсчитываетъ получить отъ пріѣзжихъ купцовъ, всю свою рыбу пускаетъ въ продажу и упускаетъ такимъ образомъ время—благопріятное для приготовленія рыбы въ прокъ. Если бы инородецъ не подвергался систематическому спаиванію водкой, если бы торговыя сношенія велись съ нимъ хотя на самыхъ маленькихъ правилахъ „честной торговли“,—инородецъ легко могъ бы на всю зиму запастись всѣмъ, что ему надо Въ теченіе мѣсяца (съ 8 іюня по 10 іюля) инородцы, ло-

вившіе рыбу на Кумаксурскомъ пескѣ 64 сѣтями, добыли одной только нельмы около 1300 пудовъ, что даетъ на каждую сѣть по 20 пудовъ, проданныхъ за 40 рублей. Въ теченіе этого же мѣсяца вся семья инородца, питаясь исключительно рыбой отъ той же сѣти, заработала сверхъ того 40 руб. деньгами. Позднѣе—въ іюлѣ и августѣ—ловится уже менѣе цѣнная рыба, но за то она идетъ значительно „гуще" и во время ловли ея уже нѣтъ очередей,—и каждая семья инородца вылавливаетъ ея рублей на 60.

Не будь помянутой эксплуатаціи инородца каючниками и мѣстными купцами,—заработокъ на 100 руб. въ лѣто былъ бы для инородца достаточнымъ для того, чтобы всю зиму провести съ достаточнымъ запасомъ муки и чая. Но большая половина его заработка идетъ на водку,—и инородецъ остается безъ муки и безъ рыбы.

Временами, положимъ, и послѣ отъѣзда покупателей, свѣжей рыбы остается много,—но со средины августа нѣтъ уже благопріятныхъ условій для вяленья и сушки рыбы. Между тѣмъ только эти два способа заготовки рыбы въ прокъ и употребляются инородцами.

Главнымъ образомъ они запасаются: „хахомъ" и „юкалой," которыя приготовляются одними и тѣми же способами, но изъ разныхъ частей рыбы: „хаха" и „юкала" сначала вялятся на вѣтру, а потомъ продымляются надъ очагомъ въ помѣщеніи инородца—въ „урасѣ" или „колымѣ;" обѣ—хаха и юкала—до вяленья надрѣзываются тонкими полосками такимъ образомъ, чтобы эти полоски держались на кожѣ рыбы и отдѣлялись другъ отъ друга глубокими бороздками до самой кожи рыбы. Въ такомъ видѣ мясо рыбы быстро и очень хорошо провяливается и засыхаетъ;—вкусомъ своимъ она напоминаетъ русскую „воблу."

Немногимъ развѣ меньше запасаются они еще сушеною икрою омуля и муксуна. Какъ и при вяленьи рыбы, такъ и въ сушеную икру инородцы соли не употребляютъ.

Сушеную икру они ѣдятъ часто безъ примѣсей;—иногда, растолокши ее, подмѣшиваютъ въ муку и изъ смѣси пекутъ оладьи на рыбьемъ жирѣ.

Рыбій жиръ вытапливаютъ изъ цѣлой рыбы въ желѣзныхъ и мѣдныхъ котлахъ,—рѣдко изъ внутренностей ея,—и онъ замѣняетъ на кухнѣ инородца масло и сало.

Въ видахъ того, что въ самое жаркое время рыба охотно скупается для засолки купцами, инородецъ описываемаго мною района рѣдко вынуждается „квасить" свою рыбу въ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ не глубже одного аршина; у него не остается для этого рыбы.

Но все таки и этотъ способъ заготовки рыбы въ прокъ встрѣчается здѣсь. Инородецъ прекрасно понимаетъ, что онъ въ своихъ ямахъ портитъ рыбу; онъ знаетъ, какъ хорошо сохраняется рыба въ глубокихъ погребахъ, гдѣ круглый годъ со всѣхъ сторонъ ледъ или вѣчная мерзлота. Но онъ не можетъ дѣлать такихъ погребовъ самъ,—ему нечѣмъ дѣлать ихъ: нѣтъ ни кайлы, ни желѣзной лопаты. Хотя погребъ строится чрезвычайно просто: выкапываютъ яму въ 4 арш. глубины; на глубинѣ 1 аршина кладутъ надъ ямой рядъ бревенъ (оставивши отверстіе для того, чтобы можно было войдти въ яму) и засыпаютъ эти бревна въ уровень съ землей; подъ бревнами получаетея погребъ, всѣ стѣны котораго, полъ и потолокъ представляютъ собою вѣчно мерзлую землю. Надъ погребомъ часто выстраивается амбаръ. Въ такомъ погребѣ въ самый жаркій лѣтній день свѣжая рыба черезъ часъ, черезъ два замерзаетъ и ее можно употреб-

лять въ видѣ „струганины,“—для чего ее рѣжутъ тонкими ломтиками (въ видѣ стружекъ) и глотаютъ ихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ растаять. У инородца же въ его мелкихъ ямахъ рыба быстро киснетъ и гніетъ въ началѣ осени. И даже въ годы хорошаго осенняго лова инородецъ остается безъ рыбы; его прокисшую рыбу и собака не ѣстъ,—а для собакъ надо запасаться рыбой больше, чѣмъ для себя: каждая собака съѣдаетъ въ зимній день не меньше одного муксуна вѣсомъ въ 8 фунтовъ,—у каждаго же собаковода-инородца не меньше 20—30 собакъ.

Необходимость имѣть такъ много рыбы дла собакъ заставляетъ всѣхъ инородцевъ-собаководовъ передвигаться на зиму къ берегамъ океана и тамъ, „подледнымъ способомъ“ добывать рыбу. На берегу моря рыбы зимою больше, значительно теплѣе и ледъ не такъ толстъ, какъ на рѣкѣ.

Изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы видѣли лѣтомъ нашихъ инородцевъ,—для зимняго лова рыбы они чаще всего переселяются въ концѣ осени на Быковъ мысъ, верстъ за 350 на сѣверъ отъ Булуна.

Надо замѣтить, что среди нашихъ инородцевъ очень мало „собаководовъ,“—большинство изъ нихъ „оленеводы“, а эти послѣдніе только въ очень рѣдкихъ случаяхъ ѣздятъ зимою къ морю за рыбой.

Подледная ловля рыбы на Быковомъ мысѣ начинается приблизительно около 10 октября, когда ледъ становится достаточно крѣпкимъ для того, чтобы на немъ можно было ходить. Добываютъ этимъ способомъ больше всего муксуна, но ставятъ сѣти и на нельму, и на кандевку,—и сѣти эти мало чѣмъ отличаются отъ рѣчныхъ сѣтей. Пріемы же ловли рыбы подо-льдомъ при помощи сѣтей совершенно несхожи съ рѣчными пріемами.

Подледныя сѣти не бываютъ длиннѣе 12—15 маховыхъ саженей,—иначе затрудняется установка

ихъ подо-льдомъ, для чего требуется каждую изъ такихъ сѣтей „сростить“ съ другими сѣтями; подо-льдомъ въ одинъ рядъ такихъ сѣтей ставится не меньше 10 и всѣ онѣ „сращиваются“ другъ съ другомъ.

Самая установка сѣтей подо-льдомъ совершается слѣдующимъ образомъ. На льду въ намѣченномъ мѣстѣ вырубаютъ по прямой линіи нѣсколько прорубей на разстояніи приблизительно 12—15 саж. одна отъ другой.

При помощи длинной жерди (обыкновенно составленной изъ нѣсколькихъ короткихъ жердей) изъ проруби въ прорубь на длинной веревкѣ подо-льдомъ пропускается одна сѣть за другою, концы которыхъ сращиваются и получается одна сплошная сѣть, составленная изъ десяти сѣтей.

Для облегченія процесса сращиванія сѣтей между прорубями, пробитыми во льду на разстояніи 15 саж., пробиваются еще промежуточныя проруби,—но затѣмъ онѣ забрасываются. Тѣ же проруби, черезъ которыя сращивались сѣти, остаются на всю зиму;—на веревкахъ, прикрѣпленныхъ къ жердямъ, положеннымъ надъ прорубями, подвѣшивается сѣть; черезъ нихъ же производится ежедневно 2 раза осмотръ сѣтей, для чего въ каждую изъ прорубей вытягиваютъ одну десятую часть всей сѣти, снимаютъ рыбу и отпускаютъ сѣть снова въ прорубь.

Такихъ рядовъ сѣтей ставятъ по два и больше. Успѣхъ такого лова не одинаковъ; случается, что изъ одного ряда сѣтей въ сутки вынимаютъ по 100 и болѣе муксуновъ.

Какъ я уже упомянулъ, на Быковъ мысъ зимою съѣзжается много народа. Но и въ теченіе лѣта Быковъ мысъ не пустѣетъ.

Тамъ круглый годъ живетъ нѣсколько семействъ тунгусовъ-собаководовъ. По словамъ ежегодно бы-

вающихъ тамъ людей, съ теченіемъ времени число инородцевъ, переселяющихся къ зимнему лову на Быковъ мысъ, возрастаетъ.

Въ минувшемъ году одинъ изъ давно уже переселившихся на Булунъ добровольныхъ пришельцевъ произвелъ первый опытъ засолки рыбы, добываемой на Быковомъ мысу въ зимнее время; и опытъ его удался,—рыба получилась недурная и хорошо сохранилась. Онъ зимнюю замерзшую рыбу оттаивалъ въ своемъ тепломъ жиломъ помѣщеніи, чистилъ ее и солилъ, и потомъ вновь замороженную сохранялъ до весны и рыба получалась точно свѣжая.

Но и помимо этого интереснаго опыта, человѣкъ, производившій его, заслуживаетъ нашего вниманія. Я говорю о норвержцѣ Іоганнѣ Торгерсенѣ*), поселившемся на Булунѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ 1878 г. совсѣмъ еще молодымъ—около 20 лѣтъ—прибылъ на Лену на пароходѣ „Лена" въ качествѣ „боцмана",—что то въ родѣ нашего помощника капитана. Впрочемъ онъ не все время жилъ на Булунѣ. Полный силъ и энергіи, видя безцѣнныя богатства нашего сѣвера въ полномъ пренебреженіи, онъ прельстился сначала золотомъ нашей Енисейской тайги. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ устремился въ Забайкалье и принялъ участіе въ только что тогда возникшей „транспортной конторѣ," поставившей себѣ цѣлью „упорядочить и облегчить сношеніе Китая съ Иркутскомъ". Но и тутъ Торгерсена постигла неудача: какой то юркій распорядитель всю эту контору пустилъ въ трубу. И Торгерсенъ опять поступилъ на свою старую „Лену" въ качествѣ капитана. „Лена" тогда успѣла перейдти уже отъ перваго ея хозяина, Сибирякова,

*) О немъ упоминаетъ и г. Э. Толь въ своемъ отчетѣ по „Экспедиціи на Ново-Сибирскіе о-ва" какъ объ опытномъ лоцманѣ, сопровождавшемъ экспедицію въ устье р. Лены.

черезъ руки Шмотина къ Оленникову, устроившему какъ то такъ свои дѣла, что „Лена" досталась ему за безцѣнокъ. Не проходилъ Торгерсенъ на „Ленѣ" и трехъ лѣтъ, какъ бросилъ службу и принялся за „рыбное дѣло" сразу на Быковомъ мысѣ при поддержкѣ г. Моисеева. Съ тѣхъ поръ онъ не прекращаетъ своего рыбнаго дѣла, лишь временно увлекшись скупкой пушнины на Индигиркѣ, то же, вѣроятно, не давшей ему того, чего онъ ожидалъ.

На Булунѣ онъ уже обзавелся семьей, у него уже дѣти на возрастѣ,—онъ и радъ бы былъ вырваться на родину, да нѣтъ силъ подняться. Онъ узналъ теперь, что всѣ наши сѣверныя богатства какъ бы закляты какимъ то злымъ геніемъ,—и къ нимъ нѣтъ доступа иначе, какъ по тропѣ, облитой кровью и слезами инородца, хранителя этихъ богатствъ. Надо быть Санниковымъ, чтобы дерзнуть идти этой тропою добывать кладъ. Торгерсенъ думалъ, что его честный трудъ, его неутомимая работа „въ потѣ лица," его знанія, какъ норвежца, моряка и рыболова,—дадутъ ему кладъ прямо въ руки. И онъ ошибся,—надо всего лишь умѣть играть на простомъ инструментѣ—душѣ инородца, твердой рукой ударять по струнамъ горя, нужды и жажды удовольствія и инородецъ самъ добудетъ и самъ отдастъ хранимый имъ кладъ.

Торгерсенъ думалъ, что его знанія не пройдутъ безслѣдно и для инородца, и онъ, какъ всѣ пребывающіе у насъ въ Россіи иностранцы, не былъ чуждъ стремленія „научить кой чему дикій народъ". Но и здѣсь его разсчеты оказались невѣрными,—не онъ научилъ инородца, какъ надо жить въ этомъ суровомъ краѣ, а самъ онъ сильно „объякутился". Говоритъ онъ больше всего по „якутски," одѣвается „по якутски," питается „по якутски,"—отъ якутовъ переняялъ всѣ пріемы рыболовства, ѣзду на

собакахъ и ничему не научилъ инородца. Суровыя условія жизни на сѣверѣ такъ сильны, такъ всемогущи,—инородецъ такъ приспособился къ этимъ условіямъ, такъ зависитъ отъ нихъ, что ни личный примѣръ Торгерсена, ни знанія и опытъ его не могутъ поднять инородца изъ бездны его роковаго горя, пока эти условія жизни не измѣнятся къ лучшему, пока самъ инородецъ не вступитъ въ борьбу съ этими условіями изъ-за какого-либо идеала людского счастья, до сихъ поръ еще чуждаго его понятіямъ.

Мы, культурные люди, можемъ и должны помочь инородцу нашего сѣвера. Мы должны не дать ему вымереть окончательно; мы должны оградить его отъ хищничества спаивающихъ его водкой булунскихъ купцовъ и якутскихъ каючниковъ; мы можемъ организовать доставку ему дешевыхъ пищевыхъ продуктовъ и потребныхъ ему товаровъ; организовать медицинскую помощь; мы должны учить его дѣтей... И не съ цѣлью обогащенія себя самихъ мы должны открывать ему путь ко всѣмъ этимъ благамъ. Мы поступаемъ теперь въ высшей степени не разсчетливо. Если вымретъ весь сѣверный инородецъ, если онъ обнищаетъ въ конецъ, мы безъ его рукъ, безъ его пріемовъ, безъ его выносливости, безъ его выдрессированныхъ имъ собакъ, лишимся всего того, что получаемъ теперь отъ нашего богатаго сѣвера. Нужны будутъ вѣка для того, чтобы какой нибудь другой народъ такъ хорошо привыкъ къ исключительно-труднымъ условіямъ жизни на сѣверѣ.

Я могъ бы въ подтвержденіе моей мысли привести еще два неудачныхъ примѣра,—какъ трудно для непривыкшаго къ условіямъ жизни на сѣверѣ жить въ этихъ условіяхъ, какъ невозможно дѣлать на сѣверѣ какое бы то ни было дѣло безъ содѣйствія привыкшихъ къ сѣверному труду инородцевъ.

Я бы могъ разсказать о неудачахъ какого то довольно темнаго человѣка изъ нѣмцевъ (вмѣстѣ колбасника, фармацевта, рыболова и звѣролова) подъ фамиліей Бока; я могъ бы разсказать еще и о неудавшейся попыткѣ разбогатѣть въ низовьяхъ Лены цѣлой группы старовѣровъ, переселившихся изъ Иркутска на Булунъ въ 1896 году, едва не перемершихъ въ первую же зиму отъ цынги и еле-еле выбравшихся оттуда въ концѣ лѣта 1897 г. на пароходѣ „Лена.“

Оба эти примѣра говорили бы намъ одно и то же: для нашего сѣвера, въ интересахъ насъ самихъ, необходимо прежде всего сохранить отъ вымиранія инородца, такъ какъ только черезъ него мы можемъ добывать богатства этого края.

VII.

Зная то, что мнѣ пришлось уже упоминать выше, особенно зная безпощадную эксплуатацію инородцевъ каючниками, отнимающими у нихъ даже ту рыбу, которая самимъ инородцамъ нужна,--легко заранѣе сказать, что житье-бытье мѣстныхъ инородцевъ крайне незавидно.

Всѣ инородцы единогласно утверждаютъ, что прежде имъ жилось лучше: у нихъ и запаса рыбы было больше, они и одѣвались лучше, теплѣе, нравы ихъ были проще и чище. И теперь еще инородецъ низовья Лены несравненно правдивѣе какого нибудь „устугасника“ пригороднаго якута. Кража тамъ неизвѣстна, обманъ чрезвычайно рѣдокъ. Но уроки каючниковъ не проходятъ безслѣдно: за угощенье запретной рюмкой водки онъ готовъ покривить душой; изъ-за страха передъ „тайономъ“ Рѣшетниковымъ онъ готовъ мириться съ несправедливостью. Ни одна изъ женъ любого изъ тунгусовъ

не устоитъ передъ соблазномъ получить за измѣну мужу отъ какого либо рабочаго на каюкѣ ситцевый платокъ, какую нибудь побрякушку, ленту и мужъ не выражаетъ на это никакой претензіи,— онъ мирится съ этимъ зломъ, угощаясь водкой гостя жены.

Рѣдкій годъ проходитъ безъ того, чтобы низовья Лены не страдали отъ голода съ наступленіемъ весны. Для борбы съ этимъ зломъ въ двухъ мѣстахъ (на Сиктяхѣ и на Булунѣ) устроены казенные запасные хлѣбные магазины, но устроены они такъ нелѣпо, что не приносятъ населенію ровно никакой пользы. Количество запаснаго хлѣба слишкомъ мало, чтобы можно было оказать существенную помощь голодающему населенію: къ 1 января 1897 г. на Булунѣ состояло на лицо 271 пудъ ржаной муки, на Сихтяхѣ—100 пудовъ. Это на весь Жиганскій улусъ. Помимо того, условія выдачи хлѣба крайне не цѣлесообразны.

Изъ магазина отпускается на семью не больше 3 пудовъ въ годъ, при чемъ выдача въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшается только по билету самого засѣдателя—и для полученія этого билета инородцу надо ѣхать искать засѣдателя за нѣсколько сотъ верстъ, который живетъ то на Булунѣ, то въ Усть-Янскѣ. Сверхъ того, хлѣбъ выдается съ непремѣннымъ обязательствомъ:—возвратить ссуду въ магазинъ не позже сентября и непремѣнно хлѣбомъ же. Стѣснительность требованія предъявлять билетъ отъ засѣдателя очевидна.

Но обязательство возвращать хлѣбную ссуду— хлѣбомъ же (помимо стѣснительности) парализуетъ ту пользу, какую могъ бы и при маломъ количествѣ хлѣба приносить магазинъ. Это обязательство какъ будто нарочно, ссужая голоднаго тунгуса мукой, заставляетъ его лѣтомъ во что бы то ни

стало покупать муку у каючника и внести ее въ магазинъ. Каючникъ деретъ съ несчастнаго тунгуса высокую цѣну, а магазинъ получаетъ Богъ знаетъ какую муку взамѣнъ той, которую выдалъ инородцу.

Не проще ли было бы, если бы магазинъ предоставлялъ на усмотрѣніе самаго заемщика—либо возвращать хлѣбомъ за хлѣбъ, либо платить за хлѣбъ деньгами по опредѣленной (заготовительной цѣнѣ). Если хлѣбъ казенный будетъ несуразно дорогъ (что возможно), то заемщикъ купитъ хлѣбъ у каючника, продавъ ему рыбу; если уже каючники захотятъ драть за хлѣбъ неимовѣрную цѣну,—тунгусъ внесетъ въ магазинъ деньги. Казна же всегда безъ труда можетъ пополнить запасы хлѣба въ магазинахъ, такъ какъ изъ Якутска въ теченіе лѣта на Булунъ не меньше двухъ разъ ходитъ пароходъ „Лена", берущій за доставку одного пуда отъ Якутска до Булуна по 40 к.

Мнѣ кажется, что магазинъ не будетъ имѣть недоимокъ, такъ какъ инородецъ всегда въ теченіе лѣта богатъ рыбой и рыба его всегда имѣетъ большой спросъ. И тогда инородцу не будетъ нужды питаться въ дни весеннихъ голодовокъ лиственничной корой и всякою гнилью.

Въ теченіе зимы инородецъ низовья Лены живетъ въ обыкновенныхъ якутскихъ юртахъ вдали отъ береговъ Лены, тамъ, гдѣ встрѣчается обильный кормъ для ихъ оленей и гдѣ водится пушной звѣрь.

Лѣтомъ же они почти поголовно перекочевываютъ къ берегамъ Лены; своихъ оленей они сдаютъ подъ надзоръ пастуховъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыболовные пески богаты рыбой, они строятъ себѣ особаго рода шалаши, называемые „колымами"; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ рыба ловится не всегда съ

успѣхомъ, они поселяются въ легко переносимыхъ „урасахъ", покрываемыхъ то лиственничною корою, то „ровдугой", то рыбьими шкурами (налима, тайменя), то какимъ-либо тряпьемъ.

И „колыма", и „ураса" настолько же неудобны для жилья въ нихъ, насколько онѣ просты и не сложны въ постройкѣ. Ни „колыма", ни „ураса" тепла въ себѣ не держатъ; обѣ онѣ, при самомъ маломъ дождикѣ, промокаютъ насквозь. Но колыма обладаетъ несравненно большими удобствами, чѣмъ ураса.

Въ колымѣ есть „очагъ", есть „ороны" (родъ наръ), бываетъ иногда глиняный полъ, бываютъ окна съ рамами и со стеклами. Въ урасѣ нѣтъ ничего подобнаго:—это шалашъ, внутри котораго на землѣ костеръ, вокругъ костра, на голой землѣ, логовище—и больше ровно ничего: ни стола, ни табуретки,—порою даже никакой постели,—въ чемъ ходятъ, въ томъ и спятъ. Какъ ни просто устраивается колыма, но на ея постройку не у всякой инородческой семьи находятся силы и средства! Приходится довольствоваться урасой

Колыма устраивается слѣдующимъ образомъ. Раньше всего дѣлается остобъ колымы. Для этого нужны четыре надежныхъ, по крайней мѣрѣ вершковъ пять толщины лѣсины,—прямо съ корою и съ сучками,—не бѣда, если они и кривы. Эти четыре лѣсины (аршинъ 5—6 длины) устанавливаютъ такъ, чтобы одни концы ихъ вверху скрещивались и были крѣпко связаны, а другіе концы внизу отстояли другъ отъ друга аршина на 4—5.

На эти лѣсины, на аршинъ отъ вершины, кладутся поперечины, служащія опсрой тѣхъ бревенъ или жердей, которыя, уставленныя вокругъ всей колымы въ промежуткахъ между столбами—лѣсинами, образуютъ стѣны колымы; уставляются эти

стѣнки изъ жердей такъ, чтобы весь этотъ остовъ колымы въ своемъ основаніи имѣлъ форму круга. Въ одной изъ стѣнокъ остается отверстіе для дверей, въ другой (иногда и въ третьей) отверстіе для окна и затѣмъ весь этотъ остовъ заваливается либо дерномъ, либо кусками земли поверхъ коры или травы. Снаружи колыма кажется конусообразною кучею земли, изъ подъ которой лишь вверху торчатъ четыре скрестившихся конца лѣсинъ. Часто колымы строятъ такъ, что въ нихъ не имѣется оконъ,—свѣтъ падаетъ изъ того отверстія въ верху колымы, куда выходитъ дымъ изъ очага. Внутреннее устройство колымы, ея обстановка зависитъ отъ зажиточности хозяина.

Войдемъ въ колыму тунгуса средней зажиточности. Для того, чтобы войти въ колыму, надо сначала подняться на высоту двухъ шаговъ по земляной завалинкѣ, окружающей всю колыму снаружи и затѣмъ уже—не отворить, а приподнять крышку узкой и низкой двери. Безъ привычки я не могъ войдти въ эту дверь безъ того, чтобы не удариться головой о верхнюю перекладину двери, не задѣть ногой за высокій (больше полъ-аршина) порогъ и не испытать большой неловкости ставить ноги въ какую-то темную дыру, когда голова и большая половина туловища находятся еще снаружи.

При входѣ въ колыму, меня прежде всего обдало дымомъ и поразила особенность освѣщенія. Въ колымѣ не было ни одного окна; свѣтъ въ колыму проникалъ черезъ отверстіе вверху колымы, куда выходилъ дымъ отъ костра, горѣвшаго на опечьи, сложенномъ посрединѣ колымы. Мало того, что свѣта въ это отверстіе проникало очень мало, - свѣтъ, падая сверху и проходя черезъ дымъ, придавалъ всему, находящемуся въ колымѣ, окраску бутылоч-

наго свѣта и все показывалось какъ-то въ уменьшенномъ видѣ. Я не сразу могъ различить предметы.

Надъ очагомъ, представлявшемъ изъ себя родъ деревяннаго ящика, набитаго глиной,—на жердяхъ на высотѣ около двухъ аршинъ была развѣшана „юкала". Она уже была провялена на вѣтру и теперь „продымляется" надъ костромъ очага, когда продымится, она будетъ готова къ употребленію и можетъ долго храниться, не подвергаясь порчѣ. Тутъ же подлѣ костра, нѣсколько въ сторонѣ отъ огня, тоже на жердяхъ, висѣла красная рыбья икра: она сушилась для сохраненія въ прокъ. Вся эта масса икры и юкалы еще больше увеличивала мракъ колымы, загораживая падающій сверху свѣтъ.

Совершенно незнакомый съ этикетомъ гостепріимныхъ тунгусовъ, я во всемъ старался подражать моему спутнику, хорошему знакомому хозяина колымы—тѣмъ болѣе, что я по крайней мѣрѣ минуты двѣ—три рѣшительно не могъ ничего различить въ полутьмѣ колымы.

На первыхъ же шагахъ я чуть было не попалъ въ чрезвычайно неловкое положеніе. Я замѣтилъ, что за очагомъ стоитъ на полу (вымазанномъ глиной) какая-то табуретка и собрался было сѣсть на нее, когда замѣтилъ, что мой спутникъ сѣлъ на нары противъ дверей, возвышающихся надъ поломъ не болѣе, какъ на полъаршина. Оказалось, что я чуть было не сѣлъ на маленькій столъ, на которомъ вскорѣ послѣ нашего прихода было подано намъ угощеніе. Я успѣлъ исправить свою ошибку и сѣлъ на оронъ.

Хозяина мы не застали дома. Насъ встрѣтила хозяйка, которая, какъ и всѣ—отъ мала до велика—домочадцы, подошла къ намъ и дала намъ пожать свою руку. Мой спутникъ принесъ съ собой

гостинецъ—фунтъ „фамильнаго чая", при чемъ, передавая чай хозяйкѣ, очень внятно заявилъ ей о томъ, что это „гостинецъ". Хозяйка съ сіяющимъ лицомъ, съ поклонами приняла подарокъ и совмѣстно съ племянницами своими стала хлопотать объ угощеніи.

Прежде всего намъ поставили на столъ эмалированную тарелку съ свѣжей юкалой,—эта юкала не была еще продымлена и не имѣла вкуса горечи дыма. Мы руками брали куски юкалы, рвали ее на маленькія частички, окунали въ солонку (банку изъ подъ далмацкаго порошка) и ѣли съ большимъ аппетитомъ: юкала была дѣйствительно вкусна. Но я не могъ ѣсть много, такъ какъ къ юкалѣ намъ не было подано хлѣба, а рыба была очень жирная. Для вытиранія засаленныхъ рыбой рукъ, взамѣнъ салфетокъ, намъ были поданы (каждому отдѣльно) двѣ кучки—съ горсть величины—мелкихъ сухихъ стружекъ тальника. Эти салфетки тутъ-же на нашихъ глазахъ приготовляла сама хозяйка: она держала на колѣняхъ сухую палочку—пальца въ два толщиною—тальника и слегка строгала ее маленькимъ ножикомъ особаго устройства: получались тоненькія нитеобразныя стружки.

Пока мы ѣли юкалу, поспѣлъ самоваръ и мужъ одной изъ племянницъ хозяйки подалъ намъ въ фарфоровыхъ чашкахъ чай (намъ заварили тотъ чай, который былъ принесенъ моимъ спутникомъ). Къ чаю намъ подали четыре кусочка сахару на блюдцѣ и полную тарелку только что испеченныхъ на нашихъ же глазахъ пшеничныхъ аладьевъ. Аладьи были испечены на рыбьемъ жирѣ, но они были до того вкусны, что я не обратилъ вниманія на едва замѣтный запахъ рыбьяго жира.

За чаепитіемъ мой спутникъ завелъ разговоръ съ братомъ хозяина, старикомъ Степаномъ. Но Сте-

панъ не зналъ русскаго языка, мой спутникъ очень плохо зналъ якутскій языкъ и бесѣда клеилась плохо, но все таки кое-что можно было понять по догадкѣ.

Мы узнали, что хозяинъ покупаетъ пшеничную муку по 3 р. 20 к. за пудъ, хотя такая же мука въ лавкѣ Громовой, здѣсь же на Кумаксуркѣ, продавалась по 2 р. 60 к. Объясняется это тѣмъ, что хозяинъ купилъ муку у каючника въ долгъ, подъ рыбу будущаго года.

Пребываніе старика Степана, имѣвшаго свое отдѣльное хозяйство, у своего брата объяснилось для насъ тогда, когда Степанъ сказалъ намъ, что его жена недавно „ушла къ Богу", т. е. умерла, а онъ еще не успѣлъ выстроить себѣ новаго помѣщенія.

Ни одинъ тунгусъ въ низовьи Лены не станетъ и дня жить въ томъ помѣщеніи, гдѣ былъ покойникъ. Эта несчастная колыма непремѣнно разрушается, и лѣсъ отъ нея идетъ на дрова.

Живя у брата, Степанъ живетъ совершенно отдѣльно отъ брата, на всемъ своемъ:—у него все свое: и пища, и посуда; онъ своими сѣтями отдѣльно отъ брата ловитъ себѣ рыбу.

Тутъ же вблизи насъ сидѣла младшая племянница хозяина—дѣвушка невѣста и приготовляла изъ оленьихъ жилъ нитки для шитья мѣховой одежды. Она выдергивала изъ распаренной въ кипяткѣ оленьей жилы самыя тонкія волокна ея и на колѣняхъ правою рукой слегка скручивала эти волокна. Дѣвушка эта недавно была сосватана за одного изъ кумаксурскихъ тунгусовъ своего же рода и жаждала пріѣзда съ Булуна священника для того, чтобы обвѣнчаться съ нимъ.

Обычай тунгусовъ не видитъ въ вѣнчаніи необходимаго обряда для вступленія въ супружескія от-

ношенія,--вѣнчаться можно и годъ, и два спустя. Старшая племянница хозяина обвѣнчалась три мѣсяца тому назадъ, а у нея старшему сыну уже около трехъ лѣтъ.

Темы для разговоровъ у насъ быстро истощались; мы поблагодарили всѣхъ присутствующихъ въ колымѣ членовъ хозяйской семьи за угощенье, снова пожали всѣмъ руки и удалились домой.

VIII.

Только что сказанное мною о колымѣ не можетъ дать полнаго представленія о томъ, до чего плохи условія жизни низовыхъ Ленскихъ инородцевъ. Я былъ въ колымѣ одного изъ средней зажиточности объякутившихся тунгусовъ, живущихъ на одномъ изъ самыхъ лучшихъ рыболовныхъ песковъ на Кумаксурѣ.

Необходимо указать теперь на то, какъ живутъ эти тунгусы въ своихъ жалкихъ урасахъ, на какихъ нибудь мало-рыбныхъ мѣстахъ, въ родѣ: „Нотора", „Джалдана" и „Дурной". На одномъ изъ этихъ мѣстъ, верстахъ въ трехъ-стахъ внизъ отъ Жиганска, пароходъ „Лена", укрываясь отъ страшной качки, благодаря разыгравшемуся на рѣкѣ волненію, зашелъ въ устье маленькой рѣчонки. На крутомъ каменистомъ, лишенномъ всякой растительности, мысѣ стояли три тунгусскихъ урасы, изъ которыхъ на свистокъ парохода вышли всѣ ихъ обитатели—мужчины, женщины и дѣти. Какъ только мы сошли съ парохода на берегъ, мужчины подошли къ намъ, а женщины тотъ-же часъ спрятались въ свои шалаши. Мужчины охотно бесѣдовали съ нами черезъ переводчиковъ якутовъ, матросовъ парохода,—особенно когда имъ были предложены хозяиномъ парохода подарки: мужчинамъ по

пачкѣ табаку махорки, женщинамъ по $^1/_4$ кирпича чаю. Женщины вышли изъ шалашей за полученіемъ подарковъ,—ихъ вывели оттуда ихніе мужья.

Съ дозволенія хозяевъ, мы вошли въ ихъ урасу. Это былъ небольшой, въ формѣ конуса, шалашъ, еле-еле сдерживавшій напоры сильнаго вѣтра. Десятка три сухихъ даже полугнилыхъ и обгорѣлыхъ тонкихъ жердей (аршинъ 5 длины), не очищенныхъ отъ коры и разной толщины, были уставлены такъ, что связанныя кое-какъ въ вершинахъ и разставленныя внизу въ кругъ съ радіусомъ не болѣе 2 аршинъ,—образовали собою конусъ аршина въ 3 вышиною. Снаружи, на этихъ жердяхъ и придавленныя этими жердями же были разбросаны куски оленьихъ шкуръ, рыбья кожа, разное грязное тряпье. И эта ураса на все время промысла рыбы служитъ населенію защитой отъ вѣтровъ, холода, дождя и снѣга, которыми такъ богато низовье Лены въ теченіе лѣта.

Вокругъ урасы мы видѣли разставленными оружіе и всѣ орудія хозяина. Здѣсь стояло тяжелое кремневое ружье и рядомъ съ нимъ подставка для ружья;—далѣе—„ая"—самострѣлъ, снарядъ, который „настораживаютъ" въ лѣсу на звѣря,—звѣрь задѣваетъ его и самъ вознаетъ въ себя стрѣлу съ двумя или съ тремя желѣзными наконечниками;—„ымы„—родъ пики (русскій „рожонъ") на длинной и толстой ручкѣ, на случай защиты отъ нападающаго звѣря; большой „лукъ" (аршина $2^1/_2$) рядомъ съ колчаномъ, полнымъ стрѣлъ съ желѣзными концами; пара легкихъ лыжъ, подшитыхъ мѣхомъ и подлѣ нихъ шестъ—длинная палка съ тальниковымъ кольцомъ на одномъ концѣ

Посрединѣ урасы на голой землѣ тлѣлся костеръ, а надъ нимъ висѣлъ желѣзный котелъ съ рыбой. Котелъ былъ прикрѣпленъ тальниковой палочкой

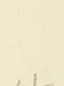
съ крючкомъ къ жерди, идущей поперекъ всей урасы по самой серединѣ ея. Рыба въ котелкѣ варилась для ѣды; шелуха на рыбѣ не была снята, внутренности тоже не были выпущены и кромѣ воды и рыбы въ котлѣ не было ничего,—не было даже соли. Вокругъ костра женщины, сидя на голой землѣ, заняты были приготовленіемъ изъ коры тальника веревокъ и нитокъ разной толщины для сѣтей. Онѣ распаривали въ кипяткѣ тальниковую кору, раздирали ее на длинныя тонкія полоски и изъ нихъ на рукахъ ссучивали требуемой длины и толщины веревки.

Плетеньемъ сѣтей здѣсь чаще всего занимаются мужчины. Плетутъ обыкновенно сѣти длиною саженей 10 и больше, дѣлая ячейки около одного вершка. Тутъ же, въ урасѣ, на жердяхъ висѣли уже готовыя сѣти, одна изъ которыхъ при насъ же была поставлена въ рѣку близъ парохода и въ сѣть вскорѣ попались: таймень вѣсомъ въ 1 пудъ $2^1/_2$ ф. и чиръ вѣсомъ въ 7 фун.; обѣ эти рыбы тунгусы принесли въ подарокъ на пароходъ, какъ бы въ отвѣтъ на розданные имъ гостинцы, но за рыбу имъ снова подарили хлѣба, соли, чаю и табаку и мотокъ суровыхъ нитокъ.

Страшная бѣднота урасы сквозила во всемъ у обитателей ея. У нихъ не было никакого домашняго скота, кромѣ двухъ небольшого роста собачекъ, на которыхъ они и перевозятъ съ мѣста на мѣсто (зимою и лѣтомъ) весь свой несложный багажъ. Ни хлѣба, ни соли они не употребляютъ; чай попадаетъ къ нимъ случайно. Лѣтомъ живутъ рыбой; зимой промышляютъ звѣря и питаются имъ. Одежда ихъ была грязна и сильно изношена;—верхній костюмъ былъ сшитъ изъ звѣриныхъ и рыбьихъ шкуръ; у нѣкоторыхъ было и нижнее бѣлье, но страшно заношенное, сшитое изъ цвѣтныхъ бумаж-

ныхъ тканей. У нихъ въ большомъ употребленіи выдѣланныя шкурки (кожа безъ чешуи) самыхъ крупныхъ мѣстныхъ рыбъ: таймeня и налима. Выдѣлка этихъ шкуръ страшно груба; изъ нихъ они шьютъ себѣ чулки, наколѣнники и своего рода кафтаны; ихъ же употребляютъ на сумы и на мѣшки; ими же покрываютъ урасы; эти шкурки не промокаютъ.

Нѣтъ ничего, конечно, удивительнаго въ томъ, что при такой пищѣ, въ этомъ шалашѣ и въ началѣ и въ концѣ лѣта поголовно всѣ дѣти хворають поносомъ и сильно мрутъ. Мнѣ приходилось часто встрѣчать случаи даже кроваваго поноса. И говорить нечего о томъ, что все это населеніе остается совершенно безъ всякой медицинской помощи, такъ какъ на всей Ленѣ ниже Якутска нѣтъ ни одного ни врачебнаго, ни фельдшерскаго пункта.

Когда пароходъ дѣлалъ обратный рейсъ, на немъ изъ Булуна купцомъ Санниковымъ былъ посланъ къ этому мѣсту, гдѣ стоятъ эти три урасы, коекакой товаръ, въ томъ числѣ два мѣста (144 шт.) кирпичнаго чая. Въ это время тунгусы прямо таки голодали,—рыба ловилась плохо, а что было поймано раньше, то было уже пропито каючникамъ.

Я полюбопытствовалъ справиться, по какой цѣнѣ будетъ продаваться здѣсь кирпичъ чаю,—мнѣ сказали: по 2 и 3 р. за кирпичъ. Надо замѣтить, что на Булунѣ кирпичъ чаю стоилъ всего лишь 70—80 к. 300—350%—хорошій торговый доходъ для булунскаго купца!

IX.

Для инородцевъ крайняго сѣвера, промышляющихъ зимою рыбу на Быковомъ мысѣ, собака является не только полезнѣйшимъ домашнимъ животнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ домашнимъ животнымъ. Не видѣвши сѣверныхъ ѣздовыхъ

собакъ, трудно себѣ даже и представить, до какой степени это скромное, умное, выносливое и послушное животное необходимо для бѣднаго инородца. Не удивительно, что ѣздовая собака въ низовьи Лены цѣнится на равнѣ съ оленемъ (около 10 руб.), а хорошій „передовикъ“, безошибочно выполняющій команду сѣдока, стоитъ не меньше 25 руб. и даже 100 рублей. Случается, иногда, ѣздока неожиданно застаетъ въ дорогѣ снѣжная погода. Дороги нѣтъ,—занесло, кругомъ ничего не видно,—тогда остается одна надежда на опытность передовика. Намъ часто приходилось слышать трогательные разсказы о томъ, какъ та или иная собака спасала людей отъ смерти, отыскивая путь къ жилому мѣсту.

Собаки въ дорогѣ очень выносливы и не требуютъ за собою особаго ухода,—ихъ не надо „выстаивать“, какъ лошадей,—пріѣхалъ,—распрегъ и хоть сейчасъ же давай имъ ѣсть. Пока ѣздокъ наладитъ костеръ, напьется чаю,—собаки уже готовы въ путь,—и сыты, и отдохнули. Передъ самою упряжкою имъ даютъ еще по куску рыбы, запрягаютъ и снова въ путь. И такимъ порядкомъ можно ѣхать на собакахъ и два, и пять дней, проѣзжая до 200 верстъ въ сутки.

Одно большое неудобство для инородца-собаковода—это то, что и самъ хозяинъ, и его собака должны питаться рыбой, которой часто не хватаетъ одному хозяину. Лѣтомъ, когда у хозяина много рыбы, онъ даже и не думаетъ заботиться о своихъ собакахъ,—онѣ подбираютъ обильные бросовые остатки, добываютъ мышей; но зимою каждая собака въ теченіе дня должна получать цѣлаго муксуна фунтовъ 7—8 вѣса. А чтобы имѣть возможность ѣхать на собакахъ, запряженныхъ въ „нарту“, надо кормить не меньше 10 собакъ; въ

тяжело-нагруженную нарту съ кладью до 50 пуд. впрягаютъ даже 16 собакъ. Необходимо имѣть на день не меньше $1^1/2$ пуд. рыбы для однѣхъ только собакъ.

Къ упряжкѣ собакъ начинаютъ пріучать не раньше, какъ онѣ достигнутъ возраста одного года. Какъ только собака подросла и достаточно окрѣпла, хозяинъ прежде всего привязываетъ ее за ошейникъ къ столбу и выдерживаетъ на привязи нѣсколько дней, – иногда даже и безъ ѣды. Затѣмъ, прямо отъ привязи, впрягаютъ ее голодную въ нарту среди опытныхъ и сытыхъ собакъ. Собака, конечно, бьется въ упряжи, рвется въ сторону, ложится на землю, но ничто не помогаетъ: ее тащатъ за собою остальныя собаки. Между тѣмъ хозяинъ часто останавливаетъ нарту, бьетъ упрямствующую собаку палкой, треплетъ за уши, — а рядомъ съ ней стоящую старую ласкаетъ, даетъ ей ѣсть. Частенько случается, что обученныя собаки сами набрасываются на лѣнтяя (хорошій передовикъ набрасывается чаще другихъ) и „учатъ“ его не хуже любого якутскаго педагога. Обыкновенно, въ слѣдующій же разъ собака начинаетъ понимать свою роль—и скоро хорошо исполняетъ ее Если собака „серьезная“, если она внимательна къ голосу хозяина и понятлива,—ее запрягаютъ какъ можно ближе къ „передовику“, чтобы подготовить ему замѣстителя.

Хотя рѣдко, но встрѣчаются у собакъ такія „натуры“, которыхъ никакими строгостями не могутъ пріучить къ упряжи. Бываютъ и такія собаки, у которыхъ, въ силу какихъ-то непобѣдимыхъ, чисто желудочныхъ влеченій, явится потребность грызть ремни. Гдѣ бы какой ремень ни попался имъ—въ упряжи, на нартахъ, на перевязяхъ—непремѣнно перегрызутъ и съѣдятъ. Такихъ собакъ убиваютъ.

Самыми добросовѣстными собаками въ упряжи являются собаки-скопцы—и собакъ часто скопятъ.

Собака инородцу служитъ не только зимою, но и лѣтомъ. Лѣтомъ онѣ тянутъ вверхъ по рѣкѣ лодку, нагруженную какою нибудь кладью. Хозяинъ сидитъ въ лодкѣ, на кормѣ и только командуетъ собакамъ, куда идти и какъ—быстро-ли, тихо-ли. Крикнетъ хозяинъ стать,—остановятся, крикнетъ идти въ воду—собаки идутъ вплавь и тянутъ за собою лодку; когда надо,—хозяинъ крикнетъ и всѣ собаки бѣгутъ къ нему и садятся въ лодку или же изъ лодки бросаются въ воду.

Я ни разу не слыхалъ, чтобы ѣздовая собака сѣвера лаяла, она умѣетъ только выть—и радость, и горе—все у нея выливается въ вой,—жалобный, протяжный.

На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собираются много собакъ, достаточно какой либо одной собакѣ (особенно ночью) по какому либо пустяковому поводу завыть, какъ поголовно всѣ собаки спѣшатъ завыть ей въ унисонъ,—и подымется невозможный дикій концертъ.

Въ людныхъ мѣстахъ на ночь собакъ привязываютъ къ длинной веревкѣ, прикрѣпленной съ обоихъ концовъ къ столбамъ. Вѣроятно, это обстоятельство еще больше располагаетъ ихъ быть отзывчивыми на вой своихъ товарищей по неволѣ.

X.

На всемъ протяженіи отъ Якутска до Ледовитаго океана Лена поражаетъ пустынностью своихъ береговъ, чудныхъ своею дикою красотой. При быстромъ ходѣ парохода внизъ по рѣкѣ, въ моментъ небольшой высоты воды весенняго разлива, картины красотъ природы береговъ смѣнялись одна за другой, какъ въ панорамѣ. Необъятная ширь воды

въ устьяхъ Алдана и Вилюя смѣняется картиною совершенно отвѣсныхъ скалъ праваго берега Лены; пароходъ идетъ подлѣ самыхъ стѣнъ, гдѣ порою вершины ихъ покрыты густымъ, крупнымъ лѣсомъ, порою вполнѣ обнажены и представляютъ собою самыя причудливыя формы колоннадъ, пирамидъ, пещеръ, продольныхъ и поперечныхъ пластовъ разноцвѣтнаго песчанника--(въ одномъ мѣстѣ, ниже Вилюя, я могъ насчитать около 20 продольныхъ обнаженныхъ пластовъ). Какую массу интереса эти скалистые берега могли бы доставить ученому геологу!

Но вотъ, среди шири водъ стоитъ высокій островъ Аграфены, пугало всѣхъ каючниковъ якутовъ, причина всѣхъ несчастій на водѣ.

Эта миѳическая русская Аграфена (одна изъ трехъ царскихъ или княжескихъ дочерей), по злобѣ своей не ужившаяся со своими сестрами, поселилась на этомъ дикомъ, длинномъ и некрасивомъ островѣ и наслала на якутовъ семь страшныхъ болѣзней, среди которыхъ самою ужасною былъ сифилисъ. Всякій, кто ѣхалъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили ея сестры—враги, былъ ея врагъ—и онъ мстила ему, чѣмъ могла, чаще всего потопляя паузки или заводя ихъ на мель. И запуганный народъ просилъ у нея пощады, принося ей въ даръ по частицѣ всѣхъ товаровъ, какіе только имѣлись на суднѣ.

Рѣка Лена въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ островъ Аграфены, дѣлаетъ крутой изгибъ—и островъ безконечно долго торчитъ на глазахъ ѣдущаго то съ той, то съ другой стороны.

Самый островъ, состоящій изъ глинистаго песчанника, на громадномъ пространствѣ въ ширину Лены окруженъ сплошными отмелями, дѣлающими это мѣсто (особенно осенью, при постоянныхъ вѣтрахъ во время малой воды) почти непроходимымъ,

особенно для каюковъ, идущихъ на бичевѣ. Все это вмѣстѣ—и мель, и назойливое пребываніе острова на глазахъ, и неблагопріятные вѣтры—окружило Аграфенинъ островъ страшнымъ миѳомъ—и ни одинъ якутъ не проплывалъ мимо него безъ того, чтобы не помолиться и не принести ей дани.

Но, вотъ, подлѣ заштатнаго города Жиганска и лѣвый берегъ Лены сталъ гористымъ и крутымъ; вскорѣ видны обнаружившіеся два равныхъ пласта каменнаго угля,—затѣмъ появляются еще два, параллельные первымъ двумъ—и всѣ четыре пласта красиво тянутся ломанными линіями и оттѣняются мягкимъ сѣрымъ песчанникомъ на крутомъ обрывѣ берега.

Пароходъ „Лена" при мнѣ дѣлалъ пробу отапливать свой паровикъ этимъ углемъ и опытъ былъ удаченъ, особенно, если принять во вниманіе то, что сразу не могло быть сдѣлано всѣхъ необходимыхъ приспособленій въ топкѣ для замѣны дровъ углемъ. Но и при всемъ томъ пароходъ, полный груза и съ баржей на буксирѣ (на баржѣ было около 5000 пудовъ груза) въ теченіе часа вверхъ по рѣкѣ шелъ на полныхъ парахъ, дѣлая въ часъ около 10 верстъ и паръ въ паровикѣ не понижался. Каменный уголь очень часто встрѣчается на Ленѣ ниже Якутска, начиная отъ такъ называемаго Сургуева мыса (въ 40 вер. отъ Якутска), вплоть до начала дельты Лены. Лучшимъ изъ обнаружившихся на берегу Лены пластовъ угля можно считать уголь подлѣ Жиганска и подлѣ Булуна*). Очень часто на берегахъ Лены попадается превос-

---

*) Для интересующихся сообщаю данныя анализа угля, добытыя лабораторіей механич. завода Никол. ж. дор.

	Золы.	Сѣры.	Выд. кокса.	Воды.
Жиганск. уголь . . .	10,26%	0,33%	49,7%	12,15%
Булунскій „ . . .	12,1	0,79	56,71	2,39

ходнаго качества уголь, но слои его до того тонки и линіи ихъ обнаруженія такъ коротки (при томъ еще онѣ залегаютъ въ слояхъ твердыхъ сѣрыхъ песчанниковъ),—что нужны были бы громадныя затраты, чтобы добыть достаточно угля для парохода. Слои же угля подлѣ Жиганска доходятъ до трехъ аршинъ въ толщину и чрезвычайно удобны для разработки и нагрузки.

Не доходя до Булуна верстъ на 50, Лена продѣлала себѣ русло среди каменныхъ береговъ, сжимающихъ ее ниже Булуна все тѣснѣе и тѣснѣе съ обѣихъ сторонъ. Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположенъ на лѣвомъ берегу Лены Булунъ,—къ правому берегу Лены съ юго-востока подходятъ отроги Хараялахскаго горнаго хребта и Лена подъ давленіемъ ихъ сжимается еще въ болѣе узкую линію и еще больше извивается среди скалъ, тщетно пытаясь разбить громады гранита, кварца, желѣзняка и разноцвѣтнаго твердаго песчанника. Ниже Чукуровки, верстахъ въ 65 отъ Булуна, Лена какъ бы покоряется своей судьбѣ, теряетъ свои извилины и довольно ровною линіей несетъ свои воды въ океанъ, съ обѣихъ сторонъ сжатая высокими скалистыми, лишенными всякой растительности на вершинахъ горами, достигающими высоты не менѣе 1000 футовъ.

Поразительно дикъ и величественно красивъ видъ праваго берега Лены въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ ней въ плотную подходитъ Хараялахскій хребетъ,—на протяженіи ея отъ Кумаксурки до Столба. Мѣстами здѣсь высятся громадныя пирамиды, отъ вершины до подножія усыпанныя кусками разсыпавшихся скалъ; мѣстами надъ водой поднимаются отвѣсныя стѣны—то черныя, какъ уголь,—то бѣлыя, какъ снѣгъ, и вершины ихъ уставлены разной величины и формы каменными глыбами.

Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Лена выбивается изъ каменныхъ тисковъ ея береговъ, гдѣ она, какъ изъ пульверизатора, вѣеромъ разбрасывается въ безчисленныя протоки ея широкой дельты,—почти по серединѣ рѣки стоитъ высокій каменный „Столбъ", Что за чудный видъ открывается зрѣнію того, кто поднимается на вершину этого „Столба"! На сѣверъ отъ этого столба, на лѣвой сторонѣ дельты Лены, вдали чуть виденъ въ бинокль высокій деревянный крестъ на мѣстѣ гибели капитана Делонга и его спутниковъ. На островѣ и нигдѣ кругомъ нѣтъ ни одного деревца, ни одного куста. Здѣсь царитъ вѣчная тишина; нѣтъ здѣсь даже докучливаго жужжанья комара; нѣтъ здѣсь ни бабочки, ни муравья. Рѣдко-рѣдко гдѣ то вдали крикнетъ дикій гусь, спугнутый съ гнѣзда, которыхъ такъ много на мшистомъ покровѣ Столба;—порою прошумитъ крыльями суетливая и жадная чайка;—и снова воцарится глубокая тишина, такъ хорошо гармонирующая съ необъятною ширью и безконечной далью песковъ и водъ дельты Лены. На самой вершинѣ Столба мы нашли три кучи каменныхъ плитъ, сложенныхъ въ формы довольно правильныхъ параллелограмовъ вышиною въ два съ половиною фута. Плиты обросли желтымъ мхомъ; видно было, что сложены эти кучи давно—и инородцы считаютъ происхожденіе ихъ таинственнымъ; говорятъ, что здѣсь были похоронены три шамана. Но подлѣ этихъ „шаманскихъ" памятниковъ мы нашли старый, совершенно развалившійся крестъ,—на одномъ изъ уцѣлѣвшихъ кусковъ котораго можно было различить слѣды какихъ-то буквъ церковно-славянской азбуки.

Заканчивая свои „замѣтки", считаю необходимымъ высказать свое общее мнѣніе о томъ, что наблюдалъ я въ низовьи р. Лены.

До сихъ поръ низовье Лены остается совершенно неизслѣдованнымъ и богатства его не опредѣлены. Какъ велико это богатство, можно судить уже по одному тому, что даже при поверхностномъ осмотрѣ, я могъ найти тамъ: золото, желѣзо, аспидъ, точильный камень, прекрасную бѣлую глину, массу разныхъ минеральныхъ красокъ, янтарь на берегу моря и обиліе каменнаго угля. Что же касается рыбнаго богатства,—то оно, при умѣлой постановкѣ дѣла, легко могло бы дать въ 20 разъ больше того, что даетъ теперь. И единственная причина незначительности промысла—это бѣдность сѣвернаго инородца, безпощадно эксплуатируемаго пріѣзжими и мѣстными купцами.

Занятое исключительно рыболовстомъ и звѣроловствомъ, мѣстное населеніе не имѣетъ ни рыбы для питанія, ни мѣховъ для одежды. Все, что добываютъ они, отнимаютъ у нихъ купцы, вымѣнивая все это на гадкую дорогую водку и завлекая ихъ въ вѣчную кабалу. Нельзя ни на минуту оставлять положеніе вещей въ низовьяхъ Лены въ такомъ видѣ, въ какомъ мы застали его лѣтомъ 1897 года.

Безъ сѣвернаго инородца, сумѣвшаго научиться жить въ суровомъ климатѣ устья Лены, способнаго добывать для общей пользы дары природы этого дикаго края,—мы не въ силахъ будемъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ богата Лена. Необходимо теперь же помочь нашему инородцу въ его все осложняющейся борьбѣ за жизнь.

Нашъ инородецъ нуждается рѣшительно во всемъ. Но было бы достаточнымъ пока и того, если бы ему дана была возможность самостоятельно вести свои промыслы, безъ хищнической поддержки его мѣстныхъ „знакомыхъ“ друзей. Мнѣ кажется, что для этого было бы достаточно:

1) Устроить школы, гдѣ дѣти инородцевъ могли бы пріучаться требовать отъ жизни хоть немного

больше того, что даетъ ихъ полусытое, почти животное существованіе;

2) Сдѣлать для него легко доступною камеру мировагo судьи и облегчить ему возможность жалобы на чиновничій произволъ;

3) избавить его отъ систематическаго спаиванія купцами водкой;

4) обезпечить ему доставку дешеваго и хорошаго конскаго волоса для сѣтей;

5) обезпечить его хорошимъ и легко доступнымъ хлѣбомъ на случай голодовки;

6) организовать хоть какую нибудь врачебную помощь какъ для него, такъ для его оленей и собакъ.

Нашъ инородецъ не нуждается въ подачкахъ; онъ умѣетъ работать и не жалѣетъ ни труда, ни денегъ, если можетъ получить то, что ему надо и что приноситъ ему пользу.

Всѣ, кто имѣлъ случай встрѣчать сѣвернаго инородца, сохраняютъ о немъ самое теплое воспоминаніе.

Приведу въ концѣ моихъ замѣтокъ выписку изъ цитированнаго мною выше труда Э. Толя, посѣтившаго тѣ же мѣста въ 1893 году, гдѣ я былъ въ 1897 г.

„Нельзя не любить коренныхъ жителей побережья Ледовитаго океана, нельзя намъ особенно не вспомнить ихъ съ чувствомъ благодарности за гостепріимство и за безукоризненно хорошія отношенія къ намъ. Поэтому-то мнѣ и нельзя умолчать объ ихъ трудномъ положеніи. Они, со времени покоренія Сибири, привыкли платить дань безъ разговора, и платить даже за мертвыя души, покупать отъ купцовъ плохой товаръ и водку за дорогую цѣну“. (Стр. 17).

Трудно положеніе сѣвернаго инородца, но требованія его до того малы и ничтожны, что удовлетвореніе ихъ не представляетъ большаго труда.

Карта
рыболовныхъ песковъ
низовья рѣки Лены
между ея дельтой и сел. Булунъ
(по глазомѣрному опредѣленію).

Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ.

20 15 10 5 0 20 40 60 верстъ

95°
97°
72° с. ш.
72° ш.
71° с. ш.
99°
97° отъ Пулкова

п. Билях
о-въ Титъ-ары
п. Титъ-ары
п. Булкуръ
О-въ Тасъ-ары
п. Тюсаро уряхъ
п. Тебелях-терде
п. Хатысь тахъ
Р. Хатысь тахъ
п. Утяхъ ая
Р. Кюбей
п. Балаганахъ
Р. Балаганахъ
п. Кумаксуръ
ст. Кумаксуръ
Р. Кумаксуръ
Р. Тюпе
Р. Таны
п. Огонюръ уряхъ
Р. Огонюръ уряхъ
Рѣка Лена
Р. Княжъ урахъ
Р.Р. Атраканы
п. Эге Силяхъ
п. Нелегеръ
Р. Нелегеръ
Р. Нертеляхъ
п. Боторъ стоя
Р. Боторъ
Р.Р. Черегъ
п. Хараялахъ
Р. Крестяхъ
п. Чобочень
Р. Сеточенъ
п. Нюнка серай
п. Ляпуновъ
п. Василія Норгаяги
п. Чукоровка
п. Надзирателя
п. Чара
Хребетъ Хараялахскій
п. Тюшиха
п. Елена
п. Кесь Уряхъ
Р. Кесь Уряхъ
Р. Хаярласъ
п. Хаярласъ
п. Киселяхъ
Р. Киселяхъ
п. Укта
Р. Укта
п. Эякетъ
Р. Эякетъ
ст. Эякетъ
п. Нижній станъ
п. Верхній станъ
п. Городяхъ тахъ
п. Кюпъ-серай
Р. Чубукулахъ
п. Торъ кушахъ
Р. Элюнъ
п. Элюнъ
Р. Булунканъ
п. Тарахсытъ
Р. Булунъ
с. Булунъ
Р. Эбыхей
Р. Куранахъ
ст. Кучеръ

Цѣна 50 коп.

